Павел Чжан и прочие речные твари

Автор:
Вера Богданова

Павел Чжан и прочие речные твари

Вера Олеговна Богданова

Актуальный роман

Павел Чжан – талантливый программист крупной китайской компании в Москве. Бывший детдомовец, он упорно идёт к цели: перебраться из стремительно колонизирующейся России в метрополию, Китай, – и не испытывает угрызении? совести, даже когда узнаёт, что его новый проект лежит в основе будущей государственной чипизации людей.

Но однажды, во время волонтёрской поездки в детдом, Чжан встречает человека, который много лет назад сломал ему жизнь – и избежал наказания. Воспоминания пробуждают в Павле тьму, которой он и сам боится…

«Павел Чжан и прочие речные твари» – роман о травме и ее? последствиях, о нравственном выборе, о справедливости – и относительности этого понятия, о китайских и славянских мифических чудовищах – и о чудовищах реальных, из плоти и крови.

Содержит нецензурную брань!

Вера Богданова

Павел Чжан и прочие речные твари

Все персонажи и события книги вымышлены, совпадения с реальными именами и названиями случайны.

Все теории заговора, в свою очередь, использованы в романе намеренно, с любовью и пониманием их абсурдности.

Пролог

В годы под девизом правления Ифэн эпохи Тан на берегу Янцзы жил бедный рыбак Чэнь Цинсунь, и были у него жена, пятеро детей и старая хижина с дырявой крышей. Как-то раз услыхал Цинсунь, что выше по течению реки много рыбы водится. На рассвете он отправился туда на лодке, встал у камышовых зарослей и забросил сеть.

Вдруг смотрит – сеть натянулась, зацепилась за плывущую корягу. Хотел Цинсунь ее освободить, глядит – а то и вовсе не коряга, сеть держит шуйгуй, утопленника дух. Схватил шуйгуй Цинсуня за руку и принялся тащить из лодки в воду. Хотелось ему новое тело, чтобы освободиться от проклятия и выйти из Янцзы.

«Пощади! – взмолился Цинсунь. – Меня семья ждет! Пропадут они, если я не вернусь!»

Сжалился шуйгуй и отпустил Цинсуня.

«Хорошо, – сказал. – Три года и три месяца я подожду, но после найду себе тело».

Стал с той поры шуйгуй Цинсуню помогать. Что ни день, то Цинсунь полные корзины рыбы домой тащит. Семья его забыла про голод. То, что не съедали, они продавали, и все в округе знали, что крупнее и вкуснее рыбы, чем у Цинсуня, не найти.

Истекли три года и три месяца. Видит шуйгуй – вдоль берега Янцзы женщина идет. Подул шуйгуй, слетела накидка с ее плеч и упала в реку. Нагнулась женщина к воде, шуйгуй схватил ее за руку и принялся тащить на глубину. Но мимо проходил Цинсунь и бросился на помощь.

Разгневался шуйгуй.

«Зачем ты, друг, мне помешал? Мы же условились: три года и три дня я жду, а после ждать не стану. Мне нужно тело».

«Но то жена моя, – пуще прежнего взмолился Цинсунь. – Под сердцем у нее дитя, прошу, не тронь ее».

Согласился шуйгуй подождать еще три года и три месяца. «Но потом, – сказал он, – я точно найду себе тело. Не могу больше сидеть в Янцзы».

Быстро истек второй срок, умаялся в реке шуйгуй. В отведенный день он видит – вдоль берега юноша идет. Обернулся шуйгуй красивой девушкой и стал звать на помощь. Хотел юноша кинуться в воду, но Цинсунь опять оказался рядом. Увел он юношу от берега, и морок рассеялся.

Снова остался шуйгуй без тела. Рассвирепел он, поднялся ветер над рекой, небо почернело, и хлынул дождь невиданной силы.

«А теперь зачем остановил меня?» – спросил шуйгуй, и голос его был как громовой раскат.

«То сын мой старший, – заплакал Цин-сунь. – Прости меня, мой друг, не могу я сына отдать».

«Но уговор есть уговор. Ты сдержишь свое слово», – сказал шуйгуй.

Река поднялась, подмыла берег, и тот обвалился вместе с Цинсунем в воду. Схватил рыбака шуйгуй, надел его тело и ушел в том теле прочь.

А дух Цинсуня до сих пор в Янцзы сидит.

I

Цзичан

На террасе, обращенной к востоку,

перед зеркалом зла нет хороших людей.

1

Одним пасмурным мартовским утром Павел Чжан спешил через Москву. Он не опаздывал, нет, но что-то внутри него подпрыгивало в нетерпении, раззадоривало ехать быстрее, чтобы оказаться на месте раньше назначенного срока. Чтобы поздороваться, выпить стакан воды, прочесть утреннюю почту, занять место в первом ряду, откуда будет хорошо его, Павла, видно, когда он встанет, благодаря за оказанную честь. Обычно от внимания аудитории ему становилось не по себе, но сегодня он хотел видеть удивление на лицах и слышать шепотки.

Сегодня – можно. Сегодня он наконец получит то, что заслужил как лучший из лучших, как фанат своего дела, и все увидят его в новом свете. Теперь не просто Павла – Павла Шэнъюановича, и плевать, что это непроизносимо.

С неделю назад Павел удачно завершил проект: несколько месяцев плохого сна, переработок, заварной лапши вместо обеда, вдохновения и следовавшей за ним апатии. Заказчик был крупным, проблемным, но тем не менее остался доволен сроками и созданным модулем шифрования. После Виктор Михайлович позвал Павла в курилку и прямо там, в густом дыму, оставшемся после делегации китайцев, предложил вести другой проект, уже государственного масштаба. Важный, совместный с Китаем, пока без подробностей, потянешь ли? Гостендер Павлу, под его ответственность, – конечно, он потянет, вопроса даже не стояло.

Павел не мог упустить такой шанс.

Он потянулся к зеркалу заднего вида, поймал в его полоску узел галстука, похожего на черную удавку. Узел был ровным, но Павел все равно его поправил. Пиджак давил в плечах с недавних пор, после того как Павел удвоил тренировки в зале. Стоило купить новый, но руки никак не доходили. Конечно, Павел мог не мучиться: все давно работали в джинсах и свитерах или в пижамах, сидя дома, но ему нравились официальные костюмы. Они напоминали лаковый футляр для тонкого и дорогого инструмента. Еще он ездил в офис каждый будний день и ровно в десять был на месте, когда иные только просыпались. Жесткий распорядок помогал добиться лучших результатов. Сон, завтрак, офис, утренняя почта, стакан воды, обед, зал, ужин, сон.

Автопилот закружил его по развязке между офисных башен. Их покрывала реклама: по стенам скользили логотипы нефтяных корпораций, последние модели тачек, девы в паутинном кружеве белья. Одна, с кудрявой русой головой, ласково глянула на Павла и улыбнулась, обещая всё. «Идеальная обертка для идеального тебя», – пробежало иероглифами снизу, и было не очень понятно, что конкретно имеют в виду под оберткой: белье или девушку в целом.

Модель повернулась, желая показать трусы и круглый зад, но вдруг исчезла: ее с хлопком накрыл плакат: «СКАЖИ НЕТ СЛЕЖКЕ».

Алые буквы на белом фоне, в кольце висельной петли из патч-корда, тоже алой, как прыснувшая из раны кровь. Свободное место на плакате было исписано пафосными фразами о сетевой зависимости, государственной слежке и политике сближения с Китаем.

Полотнище качнулось на ветру, расправилось на затвердевшей рамке и прилипло к стене небоскреба, а далеко наверху поднялись на крышу и пропали ловкие тени промальпинистов. Павел опустил стекло и выглянул из машины, пытаясь разглядеть их снова. Настоящий плакат, надо же. Чаще медиафасады просто взламывали и загружали свои видео, но в тех случаях экран быстро гасили. Ну а плакат никуда не денется – пока будут сдирать, его пол-Москвы прочтет.

Павел впервые видел акцию «Контранет» вживую, а не трансляцию в сети. Даже тронул дужку очков, желая снять и выложить в Weibo[1 - Weibo (кит. ??) – китайский сервис микроблогов.], но передумал. Еще удалят профиль, восстанавливай потом. К тому же он «контрас» не поддерживал. Развитие систем слежения делало жизнь лучше и безопаснее, это Павел знал как

разработчик. Да и в сближении с Китаем не было ничего плохого.

Акция задушила движение окончательно. В левом ряду завыли полицейские сирены, все принялись щемиться вправо, уступая дорогу, и Павел встал наглухо в пяти минутах от офиса, глядя на этот самый офис и огромное слово СКАЖИ на снежно-белом, как рубашка, фоне. Сзади загудели, Павел загудел в ответ – обычная дорожная перекличка, сигнал, что он не спит, что тоже стоит и взлететь не может.

Машину пришлось оставить в парковочном комплексе по ту сторону Москвы-реки: рядом с деловым центром всё было занято, хотя обычно находилось место. Лишних двадцать минут на разворот, толкотня на светофоре, до ужаса медленный заезд в щель между гигантом «хаммером» и лупоглазой «камри», две минуты на подключение машины к зарядке. Запас времени неумолимо сокращался.

Павел зашагал по набережной, затем по пешеходному мосту, заполненному торговцами и туристами. Включил ar-очки (арки, как все называли их), и мир перечеркнула зеленая сетка допреальности, в которую вывалились свежие письма, непрочитанные сообщения в чатах, а в верхнем углу вели свой отсчет часы. На фоновом слайд-шоу покачивался Пекин, заслоняя Павла от сонной безрадостной Москвы: сменяли друг дружку высотки, храмы, парки, скоростные поезда и умные квартиры.

Казалось, все вокруг исподволь глядели на Павла, гадали: куда торопится этот молодой человек в костюме, к каким высотам бизнеса? Воздух пах талым снегом и обещанием солнца, бодрил, пьянил и обжигал нутро, и Павел чувствовал, будто у него не тело, а пружина, теперь он может прыгнуть до верхушек башен делового центра, а может, даже выше, до самой стратосферы.

Ветер выхватил из толпы полупрозрачный шарф. Тот взмыл под крик хозяйки, мазнул по небу алым отзвуком Пекина. Павел попытался ухватить его, но не дотянулся. Шарф ускользнул за край моста, замер над рекой, словно раздумывая, затем опустился на воду.

Выключив очки, Павел приблизился к чугунному витому парапету и отыскал шарф взглядом. Ткань намокла, лишилась цвета и, по-медузьи колыхаясь, скрылась в донной тьме.

Он помнил, как было там, внизу. Холодно, тихо, нечем дышать. Вода пластом легла на грудь, и нити водорослей щекотали кожу, опутывали пальцы. Течение крутило листья и травинки, мелкий сор, ботинок, в рот заползла вода со вкусом тины…

Павел моргнул, и воспоминание уплыло вслед за шарфом. Река тащила дальше свое полное тело, серо шуршали электрокары, провисали тяжелые от влаги облака. В ухе бодро грянул «Марш добровольцев»[2 - Государственный гимн КНР.], и Павел ответил, дыша на руки в попытке их согреть.

– Ну ты где? – поинтересовался столь же бодрый голос; кто-то знакомый, но непонятно кто: камера выключена, номер не определен.

– Уже поднимаюсь, – соврал Павел и поспешил на площадь бизнес-центра. Сколько он простоял на мосту? Он иногда выпадал из реальности.

– Давай быстрей, сейчас начнется. Тебя обыскались.

– Да, да…

Вперед, в просторный стеклянно-гранитный холл, кивок администратору на ресепшен, через рамку, взгляд в камеру на турникете, потом бегом к лифтам и внутрь первого из них, протиснувшись меж людьми: в здании было слишком много этажей и слишком мало лифтов. От пробежки кровь прилила к лицу, оно горело, словно на щёки налепили перцовый пластырь. Спина предательски взмокла под пиджаком, рубашка облепила тело, и Павел чувствовал себя продуктом в мятой упаковке, забытым на жаре.

У дверей конференц-зала маячил Игорь Лыков, глядел на всех с высоты двухметрового роста. Он будто вылез из рекламы люксового бренда: крепкий, кровь с молоком, челюстью можно дробить орехи. Сын то ли замминистра, то ли олигарха, золотая голова с коротко стриженным золотом волос, квинтэссенция пекинского Шуньи и регаты на Сен- Барте.

Увидев его, Павел замедлил шаг. Что Лыков делает здесь? Он же еще неделю в отпуске, и обычно их не ставят на одни проекты.

– Привет. Готов? – Лыков махнул рукой. – Это я звонил.

– Я понял, – ответил Павел неохотно.

– Я с нового номера, не успел внести в базу. Ты сохрани, еще понадобится. И заходи, Михалыч уже там.

Павел кивнул, но Лыков этого уже не видел: понесся кому-то навстречу здороваться, жать руки, говорить, как он обеспокоен их делами, и делать всё, что делают хозяева, встречая гостей в коридоре. А Павел обновил контакт и наконец обратил внимание на время – десять минут до десяти. И чего было трезвонить?

Первые два ряда в конференц-зале были уже заняты, лишь с краю на третьем нашлось местечко. Вокруг бурлила жизнь: Маршенкулов настраивал голопроектор, что-то втолковывая помощнице, та выбежала прочь, вместо нее вошли еще пять человек, последним – разработчик тестов. Он кивнул Павлу, не улыбаясь, и Павел кивнул в ответ – они ходили на обед в одно кафе, всегда в одно и то же время, и каждый день обменивались дежурным «здрасьте». Постепенно комната заполнилась, и дышать стало тяжело, люди выпили воздух. Пиджак вновь о себе напомнил. Выбраться бы из него, как из старой ороговевшей кожи… Но Павел не хотел нарушить целостность футляра.

Подключив проектор, Маршенкулов поднялся на имитацию сцены. Растрепанный и бородатый, в клетчатой фланелевой рубашке, он скорее походил на допотопного сисадмина, чем на IT-директора, – обманчивое впечатление, очень далекое от правды. Рядом пристроился улыбчивый Лыков.

– Приветствую, – сказал Маршенкулов, сцепив пальцы в замок. – Простите, что собрал вас здесь, это условие заказчика. Ну и проект большой, хочется увидеть ключевых участников.

«Михалыч примазался к проекту, – кто-то отправил в общий чат. – Своими бы делами сперва занялся, ГеоКом до сих пор стоит».

По рядам пронесся смешок, сообщение тут же потерли.

– Сначала давайте поздравим одного из лучших разработчиков, – Маршенкулов хлопнул Лыкова по плечу, – опытного бойца и солнце нашего коллектива с днем рождения и пожелаем ему карьерного роста, новых достижений, сил, здоровья…

– Любви и детишек побольше! – крикнули с галерки, и все рассмеялись, даже Павел, хоть ему хотелось, чтобы быстрее перешли к делу.

– Да, и детишек, – кивнул Маршенкулов. – Видите ли, я выдернул Игоря из отпуска, за что приношу свои извинения. Но мне пришлось, потому что, коллеги, дело важное и не терпит отлагательств.

Лыков кивнул, развел руками – что тут поделаешь, мол.

– Если честно, я сам вернулся. Не мог упустить такой шанс, – сказал он, повторяя мысли Павла.

Кто-то снова захлопал, и зал подхватил. Когда аплодисменты стихли, свет погас, включился проектор и над головами поплыл Пекин: красный Гугун, за ним и старым центром гиганты зданий, как редкие острова в зеленом море парков, всё то, что Павел много раз видел на фото и в Youku[3 - Youku (кит. ??) – китайский аналог YouTube.].

Маршенкулов начал презентацию издалека, с политической повестки России и Китая, создания Союза Азиатских Государств, совместной разработки законов и развития внутреннего туризма. Для россиян въезд в Китай пока был визовым, тем не менее Пекин хотел способствовать объединению двух народов. И, как договорились лидеры на помпезном Девятом форуме стран-участниц САГ по сотрудничеству в торговле и культуре, выделил бюджет на создание чипов нового поколения для граждан России и КНР, а также онлайн-центра государственных услуг. Этот проект был большим секретом.

Пока китайцы использовали старые версии чипов. Но Китаю хотелось большего функционала, и ему требовались российские специалисты для софта. Хотя, как Павел понимал, Пекин мог заказать софт где угодно, просто в России было дешево.

«Прямое подключение. Все данные хранятся в личном кабинете, быстро и удобно, – гласил текст под изображением довольной бабки в ar-очках. Бабок в

арках Павел видел нечасто, но, может, в Китае пенсии были побольше. – Вы можете делать заказы, платить за услуги ЖКХ, вызывать врача, контролировать расходы по счетам. Всего один клик…»

«Больше никаких QR-кодов, банковских и идентификационных карт».

Симпатичная девушка улыбалась в камеру, рядом – сообщение о списании денег.

«Гражданский чип САГ безопасен для детей, пожилых людей и животных».

Девочка в обнимку с ретривером. Жмурясь от удовольствия, она прижималась щекой к собачьей рыжей шее.

«Мы следим за вашим здоровьем. Автоматический вызов медицинской помощи в экстренной ситуации. Благодаря новым возможностям оповещения и отслеживания местонахождения гражданина снижен риск возникновения эпидемий».

Машина скорой с красно-желтой полосой, изогнутой, как самолетный хвост. Контроль за состоянием носителя был важным новшеством, большая экономия для страховых компаний.

«Проверено миллионами жителей Китая».

Миллионы жителей Китая приветственно махали, выстроившись, как на параде.

Другая часть проекта касалась Baidu[4 - Baidu (кит. ??) – лидер среди китайских поисковых систем.]: следовало создать сеть из уже имевшихся уличных камер и новых, которые поставит Китай. Данные хотели сделать публичными. Ничто нельзя скрыть, если всё на виду.

Неплохо. Сколько раз, еще в старшей школе, Павел включал панорамы в китайской Baidu – и перемещался из душной, пропахшей потными носками группы на пекинские проспекты, где замерли машины и народ. Их будто залили в прозрачный пластик в определенный миг, навеки сохранив. В одном районе слепило солнце, в другом смеркалось, и Павел бродил по улицам, представляя, что живет в Китае, что всё сбылось.

Он уже крутил задачу и так и сяк, как любопытную головоломку, которую предстоит решить, и от возникших идей взлетал, слегка парил над духотой и голограммой в полумраке, готовый нырнуть в работу.

А Маршенкулов говорил о важности проекта для компании и мира.

О снижении уровня преступности в России.

О том, что Союз и глава его, Пекин, очень рассчитывают на русский офис компании «Диюй», поэтому нужно стараться, – как будто до этого сотрудники работали вполсилы.

Об универсальности и возможности с небольшими доработками внедрять новую систему в других странах.

О том, что тратить время на перевод документации с китайского не будут, ведь все собравшиеся владеют языком, и на рабочий прототип дано полгода – более чем достаточно.

После, петляя и кружа словами, дошел наконец до главного – команды. Он включил очки, мазнул пальцами по воздуху, взбивая наэлектризованную пыль. Все затаили дыхание, и было слышно, как звенит в ушах.

– У разработчиков параллельно работают три группы, – сказал он. – Фронт, бэк и работа с данными. Курировать их будет Игорь Лыков, вы все его знаете.

По переговорной запрыгали аплодисменты. Лыков слегка улыбнулся, победно оглядел собравшихся, а Павлу подмигнул.

Павел в ответ мигать не стал, его мутило. Он перестал парить над стулом и опустился в духоту. Всё шло совсем не так. Казалось, он где-то свернул не туда, не на тот этаж, не в ту реальность, и мир вокруг кривился, выталкивая его за свои пределы. «Почему не я?» – хотелось спросить, но пришлось проглотить эти слова. За них Маршенкулов мог вообще снять его с проекта.

Самого Павла поставили начальником группы данных – прямое подчинение Лыкову. Тоже немалая ответственность, но Павлу было очень интересно –

почему ему не поручили больше? Он раньше справлялся со всем, что ему доверяли, не давал повода в себе усомниться. Так почему не он руководит проектом? Наверное, «Сина-банк» все-таки что-то не устроило, решил он. Что? ты забыл, Павел, что? сделал не так?

Глубоко вздохнув, он поправил узел галстука, закинул ногу на ногу и стал ждать.

После совещания вокруг Маршенкулова собралась толпа. Один за другим собеседники отваливались, и вскоре остался лишь Павел. Маршенкулов сунул в зубы сигарету, готовый сбежать в курилку, но, заметив Павла, тягостно вздохнул:

– Да?

– Виктор Михайлович, неделю назад мы с вами обсуждали мое участие в проекте. Может быть, я вас неверно понял, но мы договаривались, что вести его буду я.

– Я помню. – Маршенкулов не стал отпираться. – Но мы с генеральным решили немного переиграть. Бросили на чипы всех, кого могли, и тебя, и Игоря.

Павел дернул щекой. Переиграть, да? Это они хорошо придумали.

– С чипами работы много, а Игорь сейчас ведет еще два проекта, – снова попытался он. – Ему будет проще, если я займусь еще чем-то, кроме данных.

– Игорь справится, у него большой опыт в руководстве командой.

– Но у меня опыта не меньше. Скажите, это из-за «Сины»? Если там остались какие-то недоработки, я могу всё объяснить…

Маршенкулов положил руку Павлу на плечо, совсем как Игорю полчаса назад. Вздрогнув, Павел отстранился.

Маршенкулов сделал вид, что не заметил этого.

– За что я тебя люблю, Чжан, – так это за твою уверенность. Но сейчас ее одной мне мало. Ты же – всё еще в деле. Покажи результат – и поедешь в главный офис, я тебе обещаю.

Его голос словно доносился из-под речной воды. А может, под водой находился Павел, и ему кричали сверху…

Без лишних слов он кивнул и вышел. А призрачный Пекин, который парил так близко, растаял, оставив алый дым.

Лыков появился в жизни Павла лет пять тому назад.

Тридцатый этаж российского филиала компании «Диюй» походил белизной и металлическим блеском на морг. Претенденты сидели в коридоре, уткнувши носы с очками в пол, перебирали пальцами, что-то печатая. Лишь один откинулся на стену, расставив ноги в дорогих ботинках, и с кем-то говорил, нарушая стерильную тишину. Речь шла о том, что возьмут точно, это просто зуб дать, да ты не волнуйся, у меня всё схвачено, пришел, увидел, победил, ага. Поймав взгляд Павла, говорящий подмигнул. «Бабуля на линии», – бросил он, будто издеваясь. Бабуля, как же.

Звали его Игорь Лыков, как Павел узнал позже, когда Игоря действительно взяли, причем тоже разработчиком.

Сам Павел сомневался, что его примут. С одной стороны, он прошел пятилетнюю программу в «вышке» за три года, чего давно никто не делал, стажировался в хорошей компании, где его ждали сразу после выпуска, приобрел опыт в известном проекте. Внешне Павел был в себе уверен, но внутри ему было неуютно, как будто на спине и лбу стояли метки «сирота», «чужой». Как будто люди эти метки видели и понимали, что с Павлом можно и попроще, раз он никто и звать его никак.

Осталось загадкой, по какой причине господин Лю выбрал его: из-за таланта или происхождение сыграло роль, но на следующее утро Павел уже сидел в углу оупен спейса и не мог поверить, что сделал еще шаг к мечте. Вокруг кипела офисная жизнь, снаружи, за стеклом, жила Москва, бесшумно ползли слои машин на ТТК, а на горизонте, за гребенкой зданий, занимался рассвет.

Скоро Лыков о себе напомнил. Сперва обозначился в разговорах офисных охотниц: ты видела его? того, новенького, высокого блондина? классный, правда? При этом все они слегка краснели, переходили в чат и наверняка пересылали фото. К Павлу подходили девушки другого сорта: андрогинные тихони с настороженными грустными глазами и короткими стрижками, поклонницы си-попа[5 - C-pop – китайская поп-музыка.] и маньхуа[6 - Китайские комиксы.]. Или же мальчики с манерами ласковых котиков. На девочек Павел не обращал внимания, мальчиков гонял нещадно и совсем не толерантно, разом настроив против себя пол-офиса, и через месяц остался один, в привычном круге тишины. Он не был против.

Потом заговорили коллеги-мужчины. Игорь предлагает встречу, он проставляется, говорит, новое классное место открыли. Игорь любит охоту и зовет с собой в субботу. У Игоря крутая тачка, механика на дизеле, раритет, ты слышал, как рычит? Классный чувак этот Игорь, эй, Чжан, ты знаешь его?

После случился «ЭйСи», хороший денежный проект, вдруг улетевший к Игорю. И дело было не в нагрузке – Павел мог и три проекта вытянуть одновременно, Маршенкулов это знал, но все равно отдал другому.

Волей-неволей Павел стал искать этого Игоря взглядом. Лыков был интересным типом. Казалось, что вместо работы он гулял по офису, курил, гонял чаи, общался с коллегами, – но тем не менее всё успевал. В каждой ежемесячной рассылке по отделу его имя стояло рядом с именем Павла, их показатели были примерно одинаковы, и Павел не мог понять, как Лыкову это удается. Сам он частенько даже забывал обедать.

Вскоре оупен спейс разгородили, и коллеги превратились в безликие тени, круг тишины разросся. Годом позже Павла повысили, и он переехал в сердце отдела.

А за столом напротив оказался Лыков.

Он рассказывал бородатые шутки, клеился к рдеющей от восхищения Оле, помощнице директора. Беззастенчиво разглядывал Павла, словно тот был экспонатом. Вместо обычной переписки в чате Лыков звонил по каждому вопросу и зычно разбирался, расхаживая между столами, как зверь по клетке, – этакий нудизм в общении. Все находили его манеру дико смешной, но никто не возмущался, ведь Лыков нарушал границы просто, как дышал. Он словно был

рожден для обожания и другого попросту не знал.

Вечером после презентации стол напротив пустовал: Лыков и остальные праздновали день рождения прямо в офисе. Вино разливалось, как Янцзы, из переговорной гремел хохот и пахло пиццей. От этого запаха в животе у Павла урчало, есть хотелось жутко, но он сидел и глодал инструкции из репозитория, запивая их водицей комнатной температуры и перебирая события ушедшего дня.

Работать – вот что оставалось. Работать и надеяться, что он покажет лучший результат. Однако мысли тянулись, как резина, Павел вдруг разом отупел и просто смотрел на пустой редактор кода с ощущением, что даже и не стоит начинать. Самое жуткое, что он и не знал, с чего начать.

Обычно вдохновение накатывало музыкой, стоило ему понять поставленную задачу. Коды были стройной мелодией, подслушанной где-то в ноосфере и записанной в планшет, которые вот так вот звучат чисто, а поверни иначе – уже не звучат и не работают. Он смотрел в редактор и видел не символы – перед ним разворачивалась функция, готовая сработать, выстрелить отпущенной пружиной.

Но сегодня Павел не видел ничего, лишь черноту инфослоя. И даже будь в отделе пусто, он просто ерзал бы на стуле, подходил к окну, чесал затылок, но не работал.

Когда, спустя несколько часов мучений, он все-таки поймал идею за мелкий скользкий хвост, на его стол сели. Павел почувствовал, как крякнула столешница, как напряглись винты с болтами, державшие ее на месте. Уловил терпкий запах дорогого парфюма. Увидел нашитый логотип брендовых брюк.

– Что? – Он вытащил наушник, сощурился на яркий свет лампы, нимбом окружавший голову Лыкова.

– Пошли выпьем, говорю. – Лыков подмигнул. – У нас есть вино и коньяк. Вино из Венето, сам привез. Ты что будешь?

– Я не пью.

– Ну пойдем, хотя бы торта поешь. У меня сегодня юбилей.

– Поздравляю.

Хотя какой был смысл поздравлять еще раз, Павел не понимал. Ведь всё уже сказали на собрании, затем в корпоративном чате, так что тот теперь походил на галерею тортов и голых девиц.

Своей задницей Лыков сел на угол планшета. Павел торопливо вытащил тонкую пластину из-под брендовых брюк, осмотрел стекло – слава богу, трещин не было – и переложил на другой конец стола, выровняв параллельно краю.

– Ты что-то кислый, – заявил Лыков.

– Я всегда такой.

– Это да, – Лыков кивнул. – Хотя сегодня мог бы и расслабиться. Ты только вдумайся, какой заказ нам дали!

И он пустился в рассуждения о возможностях чипов, о будущем, которое они открывают, о Китае, главном офисе и важности совместной работы, корпоративном духе, Маршенкулове и его подходе, о проекте как подарке в свой день рождения и обо всякой чепухе, которая Павла не интересовала и не касалась. Павел силился воскресить ту мысль, вновь цапнуть ее за хвост, – но лишь тонул в обрывках. Отсеивал их от сыпавшихся сверху слов – а след идеи истончался, выцветал. О чем же он тогда подумал? Ну как же это, надо записать…

Палец Лыкова постучал рядом с планшетом, и мысль окончательно сбежала.

– …И главный офис может забрать кого-нибудь в Китай. Они же нечасто это делают. Последний раз два года назад кого-то перевели, да?

– Да, разработчика. – Павел откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди, зажав в пальцах наушник. Что за пустая болтовня? Зачем спрашивать то, о чем знал весь офис?

– Там же, если работать едешь, нужно экзамены сдавать, в каком-то центре жить месяца два. А если не сдашь, тогда что?

– Домой отправят.

Лыков задумался, уставился куда-то над и мимо Павла.

– Вот скажи, оно стоит того? Как по-твоему, в Китае круто? – И, не дожидаясь ответа, продолжил. Ответы Лыкову не были интересны. – Я когда там был на стажировке, думал: скорей бы обратно. Что Пекин, что Шэньчжэнь – картинка для туристов, а ковырнешь – всё то же, что у нас. И пожрать нормально негде. Зашел в русский ресторан – а там от русского одно название.

И вновь Павел убедился, что Игорь просто был дурак. Красивый красный Пекин заслонил Лыкова, как нечто незначительное, и раздавил, погреб под умным тротуаром.

– Ты же китаец, Чжан. Родаки твои чё не уехали обратно? Сейчас там лучшие из лучших, тебе самое оно.

Лыков смотрел внимательно. На этот раз он ждал ответа.

– Только отец.

– Что?

Павел согнул наушник так, что тот хрустнул под пальцами.

– Китайцем был только отец, и он умер.

Признание само скользнуло с языка, не надо было злиться. А Лыков тут же посерьезнел. Впервые посмотрел на Павла так, как будто правда его видел.

– Соболезную.

– Забудь, это давно случилось, – ответил Павел, отчаянно жалея о своих словах и желая, чтобы Лыков наконец исчез.

– Ага. – Еще неловкие секунды тишины. – Ну ладно, меня зовут. – Лыков указал за спину, хотя не слышно было, чтобы там кого-то звали. – Поздравляю с проектом! Сработаемся же?

Павел нехотя пожал протянутую руку. Ладонь оказалась горячей и шершавой, как лапа большого зверя.

– Сработаемся.

– Отлично. Ты подходи, пицца и торт еще остались.

Подмигнув в который раз, Лыков ретировался. «Вернулся!» – донесся радостный клич, и кто-то засмеялся.

Павел бросил гнутый наушник на стол, снял очки, зажмурился. Зачем он ляпнул про отца? Никому о таком не рассказывал – никто его и не спрашивал, – а тут на? тебе, лезут с ногами в душу. Наверное, он выглядел жалко. Кому какое дело до его родителей, кто у него там умер? Увы, сказанное обратно в рот не затолкаешь.

Голова гудела, как трансформаторная будка. Писать в такой обстановке было решительно невозможно, а веселиться Павел не умел. Может, он был бы и рад попробовать, – но попросту не знал, о чем говорить, стоя с бумажным стаканом около стола с кремовыми руинами торта или рядом с именинником. Когда он только устроился, он пробовал общаться с коллегами, но разговоры не клеились. Общих тем, кроме работы, не было. А когда собеседники шутили, Павел молча улыбался, не зная, что сказать в ответ и нужно ли вообще что-то говорить. К тому же он не смог бы сейчас расслабиться: проект давил на плечи, как тяжелая ладонь.

Павел поднялся и вышел из отдела, прочь от пьяного гула, в глубину сумрачного пустого коридора. Рабочий день давно закончился, в офисе остались лишь самые стойкие трудоголики и те, кто пил. Их голоса всё еще были слышны за спиной. Впереди же прыгало эхо Павловых шагов, отскакивало от толстых стекол, заменявших стены в кубиках-кабинетах.

На мониторы «Диюя» транслировали «Премьер» – официальный новостной youku-канал Кремля. В свежем ролике показывали председателя Лина и президента Енисеева. Они катили в черном «хунци» с открытым верхом, а вокруг машины беззвучно колыхалось восторженное людское море, махали то ли красными книжками, то ли красными конвертами. Ниже бежала строка: «В Восточной Сибири утверждено строительство четырех лесопромышленных комплексов. Народ САГ осмысливает важную речь генерального секретаря ЦК КПК Лин Чживэнь». Далее перечислялись последние успехи компартии Китая и САГ в целом. Генсек повернулся к камере и салютовал, как будто узнал Павла и звал его домой.

Павел налил себе воды (минимум полтора литра в день, за этим следили арки), свернул за угол, в зону отдыха, с креслами-пуфами, журнальным столиком без журналов, лого «Диюя» под потолком – красный глаз на белом фоне – и аквариумом на полстены. Павел стукнул пальцем по стеклянной стенке, метя в рыбий нос. Латунный круглый глаз уставился на него без выражения, рыба разевала рот, сообщала что-то в беззвучном режиме. Казалось, можно вот-вот уловить смысл…

За спиной кто-то тихо рассмеялся, зашептал, и, вздрогнув, Павел обернулся. На пуфике в углу пиарщик тискал румяную помощницу Маршенкулова. Она глянула на Павла, кокетливо подняв плечо.

– Добрый вечер, Паша, – сказала, пьяно поблескивая глазами, и снова прыснула. Длинные пальцы пиарщика по-хозяйски сжимали ее бедро под задравшейся юбкой, и при виде этих пальцев Павла передернуло.

– В «Шанхае» есть гостиница. Недорогая, – сказал он и пошел прочь, куда-нибудь подальше.

Еще в башне «Шанхай» стояли капсулы для сна, но они были тесными, рассчитанными на одного небольшого человека. Павел пользовался ими, когда задерживался на работе допоздна и не хотел ехать домой, закупоривался, как личинка в ячейке сот, и проваливался в бархатное душное беспамятство.

Он свернул в мраморное чрево туалета – не туалет, а настоящая гробница с акустикой Большого театра. Вдоль стены шеренга раковин, над ними зеркала. Приглушенный свет отражался в золоченых носиках кранов.

Павел плеснул на лицо холодной воды и уставился на отражение. Выглядел он так себе, что и говорить. Серая кожа, взгляд, как у бездомного щенка, лицо осунулось, и пиджак топорщился.

«Чей разум ясен? – он вспомнил. – Кто следует велению души, а не приказам слепцов? У кого есть таланты и сильнее воля? По всему этому я пойму, кто одержит победу, а кто потерпит поражение».

Павел знал эти строки наизусть, с детства, ночью разбуди – расскажет и напишет. И, повторив их, сразу перестал метаться, нащупал опору под ногами. Он сможет, он не упустит шанс. А остальное, всё и все вокруг, – одни пустые звуки на ветру. Нужен лишь ясный разум.

2

Стол был сколочен из досок и воткнут в землю на заднем дворе. За ним, на фоне раскисших по весне дорожек, сломанных качелей и ворот, отчаянно желтело новое здание детдома. А дальше, за рабицей и талым полем, виднелись крыши изб и газобетонных дачных коробков. Ни высоток, ни электрокаров, ни асфальта – чем дальше от Москвы, тем медленней шло время, замерло в кризисных двадцатых, как муха в янтаре.

На том столе Павел и отыскал своих подопечных. Пацаны сидели, поставив ноги на лавку, что-то смотрели в арках и плевали семечками в грязь. Один бледный, будто выцветший за зиму, и трое метисов с узкими глазами – теперь таких, как Павел, стало больше, лет пятнадцать назад он был один на весь детдом. Все нескладные, в шапках-гондонках и бомберах, все разных возрастов, от восьми до двенадцати лет, они даже не замечали, как Павел топает к ним по прошлогодней траве.

Он взобрался на пригорок, оценил побитую обувь пацанов – правильно ему сказали воспитатели, и хорошо, что прислали нужные размеры. Он поставил пакеты на стол, за спинами мальчишек. Один пакет был набит кроссовками, Павел сделал консультанту в магазине день. В другом лежали джинсы и толстовки.

– Я вас по всему двору ищу, – сказал он. – Разбирайте и сразу на себя.

Пацаны слезли, стали деловито шуршать пакетами. Растоптанную обувь бросили там же, под стол, при виде чего Павел сморщился. Благодарить не благодарили, только сопели носами, затягивая шнурки и влезая в толстовки. Подарки они принимали за должное, но Павлу все равно было приятно. Он стал тем, кого сам хотел бы встретить в детстве.

Наличные он детям не давал – сразу спустят на сигареты или пиво, а вот вещи привозил. И не сгружал пакет в общую кучу, предпочитая раздавать лично, что его регулярно просили не делать. Но это же известное кино: привезешь вещи в детдом официально – и сразу лучшее исчезнет. Конечно, не всегда и не везде так было, и, став волонтером, Павел пока никого не уличал. А может, только ему такие воспитатели достались в детстве.

Он помнил свой детдом: как давили кеды, так что пальцы болели и даже ноготь врос. А он терпел зачем-то, только один раз пожаловался, и всё. Собственное неудобство казалось ему не очень-то и важным. Если привозили хорошие новые вещи, их относили в подсобку, где они пропадали. Однажды Павел заметил кроссовки, белые с зеленой полоской, своего размера. Набравшись смелости, он даже подошел и попросил их у воспиталки, Борисовны. Ему велели подождать. Он подождал, а после, месяца через два, к директрисе приехала дочь, крепкая девка с румяным лицом. Она ждала мать у ворот, не решаясь зайти на территорию, как будто за забором начиналась зона отчуждения, а на ногах у нее белели отличные кроссы с зеленой полосой.

Старшие тоже могли отобрать вещь и продать, это понятно, но раз отдал, прогнулся, значит, ты – труха и сам виноват. Закон сиротских джунглей.

В наушнике заиграл звонок. Павел забыл, что очки остались в машине, и палец уперся в висок. Пришлось отвечать вслепую.

– Ну и куда ты пропал? – поинтересовались из наушника, отчего у Павла случилось дежавю. – Все уже в актовом зале.

– Так чего ты? Иди. Я продукты занесу и поднимусь.

– И оставить открытую машину без присмотра? – А дальше страшным шепотом: – Тут какие-то мужики стоят, я их впервые вижу.

Действительно, ключ-то у него в кармане. Чертыхнувшись, Павел махнул подопечным, подхватил пакеты с оставшимися вещами и заторопился по бетонной дорожке вокруг корпуса.

Соня ждала на стоянке. Высокая и по-мальчишески угловатая, она подчеркивала свою худобу объемной курткой и трикотажной юбкой, открывающей бледные колени. Ветер трепал копну ее русых с рыжим отливом волос, бросая пряди на лицо. Соня морщилась, убирала волосы одной рукой, другой придерживала ворот куртки. Чуть в стороне стояли микроавтобусы и черный, похожий на гроб, бандитский внедорожник на бензине – любимая машина мамкиных гонщиков, параноиков и тех, кто не желал светить свои маршруты. Рядом курили двое в комбинезонах, похожие на потерявших шлемы космонавтов. Они с интересом разглядывали Соню и ее длинные голые ноги, она же этих «космонавтов» в упор не замечала. Она смотрела лишь на Павла, мягко улыбаясь, и он невольно расплылся в ответной улыбке.

Клюнув его в губы и оставив в воздухе мазок духов, Соня заторопилась в главный корпус, а Павел стал разгружать багажник. В постановках он не участвовал и даже смотреть их не любил. Нагляделся в свое время на волонтерские ТЮЗы – хочешь не хочешь, а все равно сгоняли в спортзал, и сиди на неудобных низких лавках, пока всё не закончится. В телефон играть не давали, а тогда это было единственным развлечением, все ходили со смартфонами и резались по сети, объединяясь в кланы.

Хуже было, только если мелких заставляли петь. Они стояли нестройным рядком, тянули по сотому кругу «Качели», смотрели печально, – а гости им хлопали, умилялись, как умиляются зверушкам в зоопарке, и уезжали. Павел это ненавидел больше прочего. Хорошо, если потом накрывали столы с угощением, а то могли раздать какую-то фигню вроде девчачьих мягких зайцев или сборников сказок с иллюстрациями почище Босха. Сладкие подарки отбирали воспиталки: не полагалось портить аппетит. Потом конфеты лежали где-то в подсобке до окончания срока годности, печально слипались и пропадали на помойке.

Если на спектакль Павел мог и сходить, исключительно ради Сони отсидеться в уголке, то в мастер-классах он не участвовал категорически, как бы его ни уговаривали. Он не умел объяснять, не хватало терпения. Дети постоянно отвлекались, ерзали, хотели смотреть мультики, а не заниматься непонятно чем, и Павел, честно говоря, их понимал. Зачем лепить медвежонка руками, когда можно за пять минут создать его виртуально, в 3D-редакторе? Он получится

ровным, красивым, нужного оттенка и текстуры. Соня что-то рассказывала ему про мелкую моторику и прочее, но можно же набрать текст на ar-клавиатуре[7 - Виртуальная клавиатура, проекция клавиш, которую видит пользователь устройства дополненной реальности.] – чем тебе не тренировка пальцев?

В общем, Павел с удовольствием ездил бы один и просто помогал ребятам – без песен, плясок и пластилина, но к волонтерам-одиночкам у руководства возникало много вопросов. Поэтому последнее время он катался с Соней и ее коллегами и был у них на подхвате.

В багажнике теснились четыре ящика фруктов, пакеты с детскими вещами, которые собрали Соня и ее друзья, мешок универсальных зарядок для гаджетов, несколько бэушных арок, китайские копии китайских копий планшетов и куча прочей ерунды, которую принесли в центр сбора соцпомощи. Аккуратно переставив пакеты, Павел вытащил мандарины и взял ящик на грудь.

– Я надеюсь, вы всё. Сегодня нам надо успеть еще в два места, – сказали за его спиной.

В животе свернулся холод, а остальному телу стало жарко, несмотря на стылый ветер.

Павел давно не слышал этот голос. Неторопливая и правильная речь, интонация, как будто говорящий не уверен в том, что произносит. Немного подчеркнутое «о» и паузы в конце каждой фразы.

Он вздрогнул, обернулся, ящик в его руках накренился, и часть мандаринов раскатилась по асфальту, блестя восковыми боками. Но обращались не к нему, а к «космонавтам» у внедорожника. Рядом с ними стоял мужчина, на голову выше Павла, одетый в легкое пальто. Близко посаженные глаза запали бусинами глубоко в глазницы, как у плюшевых зверей, которым слишком туго стянули швы. Прозрачные очки с диоптриями. Нижняя половина лица закрыта бородой. Он потирал широкие ладони, неловко топтался во время разговора, меся дорогими ботинками грязь. Легко перешибить соплей, а человек, которого он напоминал, был крепче и плечистей. Павел звал его Просто Костей.

Да нет, не могло того быть. Просто Костя пропал двенадцать лет назад, его искали и не нашли, дело закрыли. Павел столько раз воображал, как Просто

Костя, например, бежал в леса, где умер от воспаления легких. Или же поехал автостопом, и где-то на богом забытом шоссе его забили до смерти и бросили в канаву. Или он все-таки попал в тюрьму, а там ему водили членом по губам и делали такое, что не показывали даже в порно, после чего Просто Костя повесился на собственных трусах.

Павел собирал мандарины, весь обратившись в слух. Речь шла о волонтерской рутине, фото- и видеосъемке для сайта какой-то партии. «Мы помогаем детишкам, потому голосуйте за нас» – обычное лицемерие. Запустить бы в них ящиком, но Павел не мог себя заставить обернуться еще раз. Казалось, бородатый смотрит прямо на него, Просто Костин голос вот-вот крикнет: «Ага! Я тебя узнал!», и Павел не желал представлять, что будет дальше.

Когда бородатый велел «космонавтам» подождать и чавканье его шагов по грязи удалилось, Павел смог расправить сведенные судорогой плечи. Он машинально вытер руки об штаны, подхватил собранные мандарины и двинулся следом, пряча за ящиками лицо. Вдавил большой палец в считыватель отпечатка, пролез бочком через турникет («я с волонтерами, у нас спектакль наверху») и попал в узкий коридор неистребимого невнятно-мятного цвета всех госучреждений. В нос шибанули знакомые запахи: суп, какао с молоком, табачный дым, мокрый пол, хлорка и моча.

Он оставил мандарины на кухне и поднялся по задней лестнице на второй этаж. Мимо строем прошли младшие, опаздывали в актовый зал на третьем. Они крутили стрижеными головами, чирикали, пищали и пялились на Павла. В ближайшей группе за закрытой дверью играла блатная песня, неизменные «оп-ца, оп-ца, оп-цаца» и обращения к «мусорам». У окна стоял пацан в арках, с кем-то беззвучно говорил.

А чуть дальше возился с бумагами тот самый бородатый мужик, он что-то подписывал, часть отдавал воспиталке. Завидев его, Павел живо убрался за угол, в туалет. В ушах гудело, очень хотелось уйти. Или подойти и двинуть в морду превентивно, вывернуть ему карманы, посмотреть документы. Оттянуть ворот водолазки и проверить, на месте ли старый шрам на шее. Нужно было убедиться: он или не он. Но как?

Глазами и длинным узким носом с небольшой горбинкой бородатый очень походил на Просто Костю. Говорил он тихо, слов не разобрать, что-то обсуждал с воспиталкой. Меж делом погладил пробегавшего мальчишку по голове –

подопечного Павла в новых кроссовках, – и Павел сжал кулаки.

– Эй, Вадик! – Он отловил парнишку, когда тот свернул за угол, к лестнице. Вадик остановился, вопросительно поднял брови. – Это кто?

Вадик обернулся на бородатого:

– Из фонда типа. Нормальный дядька.

– И часто ездит?

– Бывает. – Вадик пожал плечами. – Я пойду?

Павел пустил его, а сам остался за углом. Чтобы не выглядеть совсем уж глупо, он сделал вид, будто кому-то звонит. Когда бородатый ушел, Павел заглянул в группу. Внутри царил галдеж и хаос, в котором металась воспиталка средних лет.

– Сергей Константинович что-то забыл? – спросила она, выплыв в тихую гавань коридора. Увидев, что Павел не понял, добавила: – Вы же из «Добродела»?

– Нет, – поспешил откреститься Павел. – Я – волонтер из «Али». Сам выпускник.

– Я вас не помню. Давно выпустились?

– Не из этого детдома, я в другом районе был. – В тот детский дом его и на порог не пустят. – А «Добродел» – это…

– Фонд «Добродел». От правительства Подмосковья, они нам очень помогают. Привозят лекарства, сладости, канцтовары. Хорошие ребята, очень. Концерт сейчас дают…

– Нет, – поправил ее Павел. – Концерт даем мы. Спектакль.

– Да? – Судя по виду, воспиталке было все равно. Глянув через плечо, она перешла на другие децибелы: – Женя! Закрой окно! Окно закрой, сказала, и

собирайся! Выходим через минуту, кто не успеет, вместо прогулки будет убираться!

Забыв про Павла, она кинулась обратно в хаос, закрывать окно и разнимать сцепившихся ребят.

Сергей его зовут. Но Константинович. Может быть, сын? Хотя нет, староват для сына. Неважно, значит, обознался. Павел немного расслабился и ощутил, как сильно сжимал кулаки всё это время и впивался ногтями в ладонь.

К тому времени, как он спустился во двор, черный внедорожник уже уехал, оставив рытвины в грязи. Смотреть спектакль расхотелось окончательно, и Павел сел в машину. Сразу навалилась дремота, как всегда бывало после сильной встряски. Через опущенные веки просвечивал яркий блик – казалось, выглянуло солнце и ведет теплым лучом от уха к носу. Запестрели точки, расплылись пятна Роршаха, тело отяжелело, и издалека, с востока, ветер принес голоса?, змеиный шепот на путунхуа.

И вот уже не солнце, а речная рябь над Павлом. В ней тьма колеблется пятном, расползается, как тушь в воде, и на зубах что-то хрустит, во рту земля, слышен аромат сандала. Павел гребет в зеленоватый донный холод, куда угодно, только прочь. Водоросли гладят ноги, а впереди густая тень, в которой ждут, и смерть не страшна уже…

Павел распахнул глаза, отрывисто втянул застоялый машинный воздух. На улице стемнело, под козырьком детдома горела лампа, разгоняя прозрачные сумерки. Казалось, всё: детдом с крыльцом, дорожка, знак парковки – было на дне, утоплено в сизой воде, и даже синеватый свет от лампы пробивался сквозь водяную толщу. Павел не сразу понял, что уже проснулся.

Он вылез, ежась от холода. Прошло больше двух часов, Соня должна была вернуться. Седой охранник на посту сказал, что все ушли, махнул рукой за дом, велев проверить в курилке.

Павел обошел здание кругом, петляя между луж. Охранник оказался прав, Соня курила в компании парней из «Али» и старших из детдома. Шел оживленный спор, затем поднялся смех, запрыгал в мокрой темноте, сверкнули белые длинные ноги, и Павла нехорошо кольнуло. Они с Соней условились уважать

личное пространство друг друга – баш на баш: она не курила при Павле, а он не читал ей лекций о раке легких и не ходил в арках. Никаких обязательств, никаких обещаний, каждый сам по себе, и в целом Павлу было все равно, кто чем травится, но вида курящей Сони он не выносил.

Заметив его, Соня выбросила сигарету и отделилась от компашки. Одной рукой она придерживала полы расстегнутой чужой кожанки, которую набросила поверх своей куртки. Пахнуло кисловатым табачным дымом.

– Ты так хорошо спал, решила тебя не будить, – сказала она со своей обычной безмятежной улыбкой. – Подожди меня немного, ладно? Ребята списались с детдомом в Волоколамском районе, недели через две поедут туда и приглашают нас. Хочу обсудить детали.

Один из компашки, незнакомый рослый парень, обернулся и оценил Сонин зад. Уголек сигареты вспыхнул, на миг высветил скуластое лицо с кошачьим нехорошим прищуром.

– Поехали ко мне. – Павел тут же предложил, вновь остро ощутив разницу в их с Соней росте, проклятую пару сантиметров, на которые она его обогнала. – Сейчас. Глянем фильм, выпьем вина. А с ними потом договоришься.

– К тебе? – Соня сузила глаза, смерив Павла долгим взглядом. Затем вернулась в курилку, отдала кожанку парню с кошачьей хитрой мордой и попрощалась.

Фильм и винишко победили.

3

С Соней Павел познакомился два года назад примерно в такой же обстановке. «Али-xpress» – сеть розничных магазинчиков с китайскими товарами, где она работала администратором, – занималась благотворительностью и помогала детским домам. У них была своя команда, свои координаторы и даже микроавтобусы, в которых они разъезжали по Подмосковью со сказками про Колобка и мастер-классами по лепке. Попутно раздавали вещи, которые покупатели клали в ящики помощи сиротам.

Соня была лисицей в кислотно-розовом боа, и ей очень не хватало мундштука и шляпки с вуалью. Как эта дамская вальяжность и плавность движений ей удавались – с ее прозрачной угловатой худобой и по-детски невинным лицом, – Павел не понял и, заинтригованный, остался. Соня категорически его не замечала с полуметровой высоты детдомовской сцены, но после выступления Павел все-таки ее отловил и познакомился. Уже на следующий день они целовались в кино – единственном кинотеатре старого формата, оставшемся в лабиринте улочек центра Москвы. Павлу хотелось ее поразить, и, судя по частым сообщениям и приглашению домой, у него получилось.

Жила Соня в Кузьминках, в однушке без автоматизации, с уставшей мебелью и видом на козырек подъезда. Даже свет в комнатах приходилось включать вручную, в каждой, и сколько Павел ни предлагал поставить нормальную систему за его счет, Соня наотрез отказывалась. В свободное от работы время она помогала в реабилитационном центре для интернет-зависимых и ходила на подготовительные курсы: хотела поступить в мединститут, готовилась сдавать экзамены повторно. Она слушала много лекций, читала научные блоги, но держала в углу кухни запыленные иконы, один ряд над другим. Святые будто выглядывали из окон барака, а Соня изредка обводила полку вокруг них тряпкой. «Это бабки моей, дороги как память», – будто оправдываясь, сказала она как-то, но всё же ставила перед ними ладан в склянке и иногда палила свечи. Павел дивился на это сочетание любви к науке, андрогинной, странной красоты и ладана.

К нему в коммуналку они не ездили ни разу. Поначалу Соня ненавязчиво интересовалась, где он живет, подозревала, что женат. Потом успокоилась и свыклась с его скрытностью. А Павлу просто не хотелось, чтобы сосед Земцов фланировал в одних трусах по коридору или узбечка из угловой полезла вдруг с расспросами – не со зла, а по простоте души: она давно хотела Павла оженить. По-московски драгоценный бетонный коробок, небольшой, как гроб У Далана[8 - У Далан (???) – персонаж классического романа «Речные заводи», очень маленького роста и неприятной наружности. Это имя стало нарицательным для людей, которые низки морально, не могут быть снисходительными и великодушными к другим.], гипсокартонные стены, через которые слышен каждый вздох, соседская приставка поутру – «…сегодня Мами Цзян пройдет тридцатый уровень Vicious, она не спала уже семь дне-е-ей!», восторженные крики, аплодисменты, звуки пальбы: парень, живший там, не знал, что такое наушники и закон о тишине. Не то место, куда можно привести девушку.

В переезде Павел тоже не видел смысла. Теоретически, он мог заявить свои права на материн дом под Коломной, – но не сумел даже заставить себя выйти на нужной станции. Вновь оказаться в старых стенах, смотреть в окно на сад и калитку, как много-много раз уже много лет назад? Ну нет. Или ввязаться в полувековую ипотеку ради другого бетонного коробка, чуть бо?льших размеров, а после, года через два, уехать в Китай? Зачем? Семью в России он заводить не собирался, у него были другие планы.

В общем, Павел пожалел о своем порыве еще в машине. Всё проклятая ревность, и было бы к кому – к продавцам, упаковщикам и старшеклассникам. Собиралась она остаться с ними – ну и осталась бы, а Павлу еще проектом заниматься. Просто неделя дурацкая, всё наперекосяк, и этот Сергей Константинович не шел из головы. Пальцы жгло, как хотелось свернуть на обочину, встать на аварийке и залезть в сеть, накопать всё про него и «Добродел». Но не при Соне, нет.

С такими мыслями Павел пересек Новую Москву с лесом строительных кранов, объехал пробку на МКАД. Шоссе втекло в проспект, мигающий рекламой, потом «трёшка», опять шоссе и пробка.

Дом Павла находился на окраине, в одном из десятка клонированных дворов в спальном районе, совсем не похожем на продвинутый центр Москвы. Шлагбаум, за ним ряды припаркованных машин – одно колесо на тротуаре, другое на проезжей части, сбитые набок столбики зарядок, клумбы без цветов, присыпанные цветной деревянной стружкой, детская площадка. У помойки лязгал запоздалый мусоровоз, выворачивал в себя контейнер, а мусорная мелочь разлеталась по ветру.

Павел приложил карту к домофону, показал камере лицо и придержал дверь, запуская Соню вперед. В подъезде было сумрачно, пахло, как из кузова лязгающего мусоровоза. Они утрамбовались в узкий лифт, и тот, вздрагивая, потащил их на одиннадцатый этаж. Павел старался не смотреть на Соню. Куда угодно – на слово из трех букв, написанное маркером на створке, на пеструю рекламу, на инструкцию, что делать, если дом горит и все застряли, – но только не на Соню. Так же, не глядя на нее, он сунул ключ в замок. Сбоку, на полочке у двери, курились палочки-вонялки, дядя Тэн зажег. Над ними в ряд – звонки, каждый подписан фамилией жильца, кириллицей и иероглифами на картонных истрепавшихся визитках.

У комнаты Павла подписи не было; он не любил гостей.

В коридоре удушливо пахло борщом, кимчи и пловом. Скрипнула вытертая елочка-паркет, на исчерченном сетью трещин потолке тускло загорелась лампа. В проходе между закрытыми дверями комнат катался общий робот-пылесос, ритмично стукаясь о стены. Кто-то бросил тапки на его базу, и он не мог завершить программу и встать на зарядку.

– Не снимай, – велел Павел, заметив, что Соня собралась разуться.

Как были, в куртках и ботинках, они прошли по коридору и закупорились в квадратной комнате, которая в высоту казалась больше, чем в ширину. Павел сменил сценарий, и комната и гардероб у двери наполнились мягким светом, зашелестел кондиционер.

Шестнадцать голых метров в коммуналке – вот и всё, что подарило государство Павлу в честь выпуска из детдома. Стены Павел покрасил, на крюк, торчащий из потолка, повесил неистребимого монстра русских квартир – люстру с тремя плафонами-кувшинками. Пол сперва закрыл ковром – утащил с помойки, кто-то выбросил; затем, когда появились деньги, положил белый ламинат. Купил белый холодильник, небольшой, как в гостиницах, но с автозаказом еды. Белый деревянный шкаф. Спустя десятилетие комната стала снежно-белой целиком, за исключением кувшинок, о которых Павел вечно забывал.

– Вот как-то так, – сказал он, разбив дурацкую тишину.

Он ждал вердикта – вдруг Соня сейчас скривится, или же просто выйдет из квартиры, гонимая запахом борща. Но на ее лице было спокойное любопытство. Разувшись и скинув куртку, она окинула комнату взглядом и подошла к окну. Оперлась на подоконник так, что через тонкую ткань футболки проступили лопатки.

Слишком красивая для этой комнаты, для дома из панелей, для вида из окна.

– И часто ты здесь появляешься? – спросила она.

– Не очень.

– Я так и думала. А зря, уютная комната, – сказала Соня, и Павел фыркнул, не сдержавшись.

– Ну конечно.

– Нет, я серьезно. Есть всё, что нужно, и очень чисто, я удивлена. – Она открыла холодильник и вытащила бутылку вина. – Вот оно. Красное, кстати, не охлаждают.

– Я не знал. – На самом деле, эта бутылка давно лежала. Доставка как-то привезла в подарок, Павел думал, что вино скиснет, и сунул в холодильник, где и забыл. – Достань, пожалуйста. И сыр.

Павел вытащил из ящика бокалы, тарелку и нож. Дома он не готовил, питался в офисной столовке, но набор икеевской посуды держал на всякий случай. Он откупорил бутылку, забрызгав стекло журнального столика, нарезал сыр, натыкал в кубики зубочисток – готово. Холостяцкое эстетство в коммуналке.

Соня сунула в рот кубик сыра, глотнула вина.

– Отличное, умеешь выбирать. А мальчики меня на пиво звали… Я им сразу сказала, что пиво не люблю.

Она облизнула зубочистку, не отрывая от Павла взгляда потемневших глаз. И невозможно было не смотреть на ее обветренные пухлые губы, на белую кромку зубов. На небольшую грудь и горошины сосков, которые наметились под футболкой.

«Мальчики» тоже их видели?

Что-то внутри заворочалось, отозвавшись. В висках зашумела кровь, и остро захотелось закрыть Соне рот ладонью, чтобы не слышать больше слов про пиво и других парней.

Закрыть ей рот рукой, а другую запустить под футболку. Слизнуть пот и пленку табачного дыма с бледной шеи.

Павел торопливо отступил в безопасное спокойное ничто. Сдержанно улыбнулся, сделал вид, будто заинтересовался этикеткой на бутылке: Монтепульчано Д’Абруццо, красное сухое, из региона Абруццо, ноты красных и черных фруктов, что-то про дуб и сафьян… При чем тут вообще сафьян, это же выделанная кожа…

– Что будем смотреть? – спросил он.

Фильм они включили уже после недолгого, похожего на давно изученный танец секса. Смотрели, подключенные к одному планшету, запутавшись в нагретых простынях, но не соприкасаясь: лежать в обнимку Павел не любил. Сюжет оказался так себе: о следователе времен Ху Цзиньтао, который боролся с коррупционерами так лихо, что досталось всей его семье. Герои страдали, монологи тянулись сгущенкой, атмосфера нагнеталась, как давление в двигателе. Не выдержав, Соня сняла очки и принялась ходить по комнате, разглядывая вещи. Ее обнаженное тело наверняка было видно снаружи, неоново светилось в окне на фоне ночи.

Павел прошелся к холодильнику и как бы между делом нажал кнопку, опустив шторы. Он сам еще в детдоме привык к постоянным осмотрам и открытым кабинкам в душевой и туалете, его тело давно ему не принадлежало. Но не хотелось, чтобы кто-нибудь пялился на Сонины стройные ноги с тонкими щиколотками, на грудь, изгиб спины и конопушки на лопатках, небольшой шрам на правом бедре и родинку на шее под волосами – они были только для него. Хотя бы на эту ночь.

– Откуда она у тебя?

Сунув недопитую бутылку обратно в холодильник, Павел обернулся. Соня держала тонкую книгу, почти брошюру. Обложка из картона пожелтела от времени, как и листы внутри, на ней рамкой вился орнамент, в центре которого было название – «Путь ясного разума» – и чайный круг, старое пятно от чашки.

– Это отцовская, – ответил Павел. Книга как книга, сборник китайской философии от неизвестного автора. – А что?

«Путь» оказался редким. «Однажды мне друг показал. Копию», – сказала Соня, переворачивая страницы осторожно, словно держала музейный экспонат.

Интерес к немедицинским книгам она проявила впервые за все время знакомства. Даже попросила прочесть ей несколько строк – китайский у Сони был средний.

Павел прочел, чувствуя себя немного глупо, каким-то поэтом, вроде тех, что нараспев декламируют странные строчки на сценах дешевых клубов. Когда звучит не менее странная музыка, всегда печальная, поэт качает вихрастой головой, зрители цедят десятый коктейль, смотрят через арки то ли на поэта, то ли на что-то в сети…

Но Соня и не думала скучать или смеяться. Она слушала внимательно, слегка хмурилась, как будто что-то вспоминая.

– А здесь что? – Она указала на карандашные пометки на полях, набор не связанных между собой иероглифов и чисел.

Может, отец делал заметки и расчеты, а может, отмечал ассоциации – он любил выискивать в книгах аллюзии. Обнаружив их, он радовался, как ребенок, и гордо нес матери Павла, как некие сокровища, которыми непременно стоило поделиться. А мать слушала, кивала, делая вид, что понимает.

Интересно, вдруг подумал Павел, он тоже когда-нибудь станет «другом», который «однажды»? Наверняка станет. Однажды он уедет, а Соня останется в Москве, устроится в больницу. Однажды Павел увидит ее в репортаже из больницы и скажет: «Однажды я с ней встречался».

– Однажды мне позвонила отцовская ученица. – Павел поймал недоуменный Сонин взгляд и объяснил: – Отец преподавал китайский и литературу, я тебе рассказывал. Так вот, она нашла мои контакты, позвонила и спросила адрес. Я ей дал имейл, а она: «Не тот адрес, а почтовый, настоящей почты». Я только тогда и узнал, где у нас отделение «Почты России» находится. Думал, их давно убрали.

Павел помнил темноглазую и юркую, как уличная кошка, девушку, одну из учениц, которая пришла к ним домой через полгода после исчезновения отца. Мать встретила ее холодно – она не любила отцовских учеников: ревновала к ним, считала дармоедами, платившими за час, а по факту отнимавшими всё

отцовское время. О чем шла речь, Павел не слышал: его отправили в комнату делать уроки. До него доносились лишь обрывки фраз, сказанных свистящим шепотом, отчего весь разговор походил на шипение змеиного клубка. Затем дверь щелкнула, закрывшись, половицы простонали, озвучив путь матери в гостиную, и запахло табачным дымом.

Павел не стал спрашивать, зачем Марина приходила. Он не хотел получить по шее.

Кто же знал, что она объявится, когда Павел уже поступит в институт?

Когда на адрес коммуналки пришло извещение о посылке, Павел изрядно нагулялся по району. Он шел, тщетно закрываясь от дождя зонтом, искал нужный дом на карте. Ветер задувал то с одного бока, то с другого, бросая капли в лицо, морось оседала на очках и камере, отчего та сбоила, не давала толком увеличить изображение, чтобы понять, в какой вообще двор сворачивать. А в голове кружили мысли: что? эта Марина выслала и зачем? Как она нашла его? Может, увидела хайп в блогах? Только ленивый не писал о детдоме и «мальчике против системы». Но никто не упоминал его фамилию и не показывал лицо.

Отделение «Почты России» спряталось в подъезде жилого дома, под аркой желтеющей сирени, рядом с вещевым развалом «Таобао». Внутри, за окном, похожим на лаз для кошки, сидела древняя бабуся. Система получения тоже была древнее некуда – никакой биометрии, бабуся просто отсканировала у Павла ID-карту, потом ушла минут на десять и вернулась с узким свертком в пленке. Подписано было «Чжану Баолу», именем, которым Павла звал отец. А внутри был «Путь», тот самый, с чайным кругом на обложке.

«Путь» лежал у отца на тумбочке, обычно под другими книгами, которые он читал. Отец любил бумажные страницы, отказывался скачивать из интернета, чем жутко бесил мать: «Весь дом в этих книгах с помойки, кроме тебя никому нахрен не сдались». Вспомнился терпкий запах халата, когда Павел прижимался щекой к отцовскому плечу, заглядывая в книгу. «Ба[9 - Баба, ба (кит. ??) – отец.], что это?» – показывал на незнакомый иероглиф, и ба читал, тихо, чтобы не будить мать в соседней комнате. Стены в доме были толстые, но мать все равно каким-то образом всё слышала, приходила и требовала не орать.

Отец вел длинным пальцем по столбцам, чтобы Павел следил. Его голос становился глуше, уходил на задний план, и Павлу представлялась долина у подножия Великой стены. Скакала конница, выбивая копытами пыль, со стены падал черный ливень стрел. А где-то за долиной во дворце сидел на подушках император, и к нему летел гонец, крохотная точка на дороге. Павел представлял себя этим гонцом: как ветер бьет в лицо, как ходят под коленями мускулистые бока коня.

Будучи в детдоме, он думал, что отцовские вещи давно пропали. Снилось в кошмарах: раскрыты двери, по веранде и земле разбросаны потемневшие от дождя рубашки, разорванные книги, записи, отцовские костюмы, всё, что лежало в коробках на чердаке. Император, Великая стена, отцовский голос выветрились из холодных комнат, выскользнули через битые окна, развеялись над садом.

А потом вернулся «Путь», напомнив Павлу, кто он такой.

Ночь была беспокойной и душной, несмотря на приоткрытое окно. Павлу снилась какая-то муть: громада, похожая на замок, пустой двор-колодец и кто-то с Павлом говорил в нем. В едином хороводе сплелись фонарь над козырьком, тошнотворный запах солянки, пропитанный мочой и куревом мужской туалет с рассеянным светом лампы в пузыре-плафоне на стене. Из дальней кабинки выглядывал Просто Костя – показывался глаз, высокий лоб. И грузная Борисовна что-то басила сзади, ее пальцы, армированные кольцами, вцепились в Павлово плечо. Она не умолкала, и хотелось скрыться от этого шмелиного густого баса, – но выйти из туалета Павел не мог, как ни старался.

Он сел в кровати, часто и тяжело дыша. Во рту стоял гнилостный привкус, намокшая от пота простыня прилипла к ногам. Сердце ухало, больно пульсировало в голове. На часах горело 4:04, за окном уходила ночь; тишину разре?зал далекий поезд, пунктиром простучал колесами. На стене мазутным черным застыло очертание мужской фигуры.

Павел моргнул, и тень исчезла.

– Что такое? – пробормотала Соня, не открывая глаз. – Чего кричишь?

Он кричал? Павел не помнил, только ощущение давления на грудь и что воздуха нет. Смутная картинка растворилась в памяти шипучим аспирином, но голос Борисовны остался. Было что-то про нее, и от этого стало еще гаже.

– Всё в порядке, – сказал он, но Соня уже спала. Она лежала на боку, одну руку держала под подушкой, другую вытянув вдоль тела. Одеяло сползло, и отсвет с улицы выбелил ухо, щеку с бесцветным пушком, голое плечо и грудь. Остальное тонуло в сизой тени Павла.

Уснуть так и не удалось. Павел крутился с боку на бок до шести, наблюдая, как комната светлеет. Затем будильник, включившиеся автоматом новости, теплый душ на пару с Соней, жужжание зубной щетки и шипение ирригатора, тщательное бритье, ворчание кофе-машины и крепкий кофе, согнавший остатки дремы. Но голова все равно была тяжелой, словно наполненной водой, и в ней неповоротливыми рыбами толкались мысли о прошлом, о вчерашней встрече.

Павел подвез Соню до «Али» на Тверской. Мельком его поцеловав, она набросила капюшон и выскочила из машины, впустив в салон холодный воздух. Когда Соня исчезла за тонированной дверью магазина, Павел пополз по пробкам дальше, в сторону башен Москва-Сити-2.

Лобовое стекло вдруг запорошило хлопьями снега, крупными, как куриный пух. Видимость сократилась до нуля, даже дворники и обогрев стекла не помогали. Лишь изредка из белого месива проглядывали неоновые вывески: РУССКИЙ SOUVENIRS ???[10 - Сувениры (кит.).]! САЛОН МАССАЖ ??[11 - 1) Обращение к незамужней женщине, 2) проститутка (кит.).]! КИТАЙСКАЯ ЕДА! По тротуарам тянулись паровозики туристов, вокруг кружили светящиеся, похожие на ос дроны для селфи. Спешил дядечка в костюме и пальто, прикрывая голову портфелем. Костюмов вне свадеб и прочих церемоний не носил никто, кроме китайцев, политиков и Павла. Ветер сменился, выдул из снежного пуха девушку в черной лоснящейся шубке и мини-юбке. Она переступила ногами в сапогах на шпильках, следя за паровозиком туристов, как лиса следит за курами издалека. Туристы пока ее не замечали, их больше интересовало снятое на камеры.

За девушкой и туристами шла мать Павла. Рослая, с медно-золотой макушкой, которая виднелась над воротом пуховика, она цеплялась за руку спутника, невысокого, похожего на ворону в своем темном зауженном пальто. Порывы ветра подталкивали их в спины, торопили, и мать качала головой, будто бы чему-то удивлялась. Павел почти слышал ее неровный голос: «Я люблю снег, он

делает всё чистым, а ты, как он тебе, в Китае он такой же?».

Она повернулась в профиль, рассмеялась – крупный нос, высокий лоб, прикрытый челкой, – и узнавание прошло.

Павел с разочарованием отвел взгляд. По радио заиграл блюз, и всё это – блюз и снегопад – будто отбросило Павла в декабрь, и впереди вновь намечались праздники, тоскливые выходные, которые вечно негде провести.

Как ни странно, в офис Павел приехал с запасом. Он припарковался, сминая нетронутый снег, и заглушил двигатель. Прочихался: в носу свербело, как после чистки пыльного ковра.

Соня незаметно пропитала собой машину: к подголовнику пассажирского сиденья прилип длинный волос, в двери лежал фантик от жвачки, неуловимо пахло гелем для душа. Фантик Павел бросил в урну, снял липким роликом волосы с подголовника, открыл окно. Затем рассеянно набрал давно сохраненный номер. Само как-то получилось, он просто хотел удостовериться.

– И-Ка-номер-три-слушаю, – ответили одним усталым выдохом.

Павел назвал имя и фамилию, попросил позвать к телефону.

– Кто звонит?

– Родственник, – не моргнув, соврал Павел. – Из Краснодара. Курбатов.

На юге у Борисовны и правда жила родня, Павел знал их поименно. В ночную смену Борисовна любила названивать подругам, облокотившись на подоконник в коридоре, и вся группа слушала про мужа-козла, что денег не дает, про сына-бездаря и двойки в школе, про дочку-лапочку и соседку-тварь, что мусор не выносит, а оставляет на лестничной клетке у двери. За годы названные люди обрели лица и плоть, Павел знал их повадки, как будто сам жил рядом. Он пообещал себе, что вырастет и никогда не окажется в том месте, где соседка оставляет мусор у двери, а тот гниет, и вонь на весь подъезд, электрик уходит в запой, родня просит в долг и не отдает. У него всё будет по-другому, потому что

нет больше никого, кто станет требовать, тянуть назад, с кем придется считаться и жить в одной квартире.

Павел ждал, ковыряя заусенец и глядя из машины на лимонное гало рассвета над пробкой на ТТК. Снег постепенно залепил лобовое стекло полностью, холод покусывал за локоть через открытое окно.

В колонии на том конце линии что-то звенело, донесся ворчливый голос, лязгнула решетка или дверь. Павел услышал тяжелое шарканье, и спину прихватило морозцем.

– Василий, привет, – сказала Борисовна шмелиным басом.

Павел представил испарину над ее губой, покатые плечи. Как короткие мясистые пальцы держат трубку. Или же Борисовна зажала ее между плечом и дряблой щекой – так она делала когда-то.

– Василий, слышишь меня?

Павел не мог ответить. Он будто съежился, уменьшился в размерах, и взрослые слова застряли в горле.

Сопение на том конце.

– Паша, это ты? – Борисовна спросила осторожно. А потом, уже без дрожи в голосе: – Ты, гнида, мелкая детдомовская шва…

Павел повесил трубку.

4

Борисовна была дамой плотной, настоящая глыба костей и мышц. Крепкие квадратные плечи, из которых росли короткие, но столь же крепкие руки с ладонями-лопатками. На мясистых запястьях дюжина браслетов, на каждом пальце по кольцу. Волосы завиты и начесаны повыше, узкий рот накрашен алым. Звать ее мамой – да и вообще звать воспиталок мамами, как делали младшие, –

язык не поворачивался. Павел помнил мать, и Борисовна на нее совсем не походила. Мать была стройной, длинноногой, с роскошными светлыми волосами с рыжиной, которые она подолгу расчесывала и дома заплетала в толстую косу. Маленький Павел очень любил взбираться матери на спину, держась за эту косу, как держится за веревку альпинист, и искренне не понимал, чего мама так кричит.

Имена воспитательниц Павел выучил быстро и звал каждую только по имени-отчеству, оставляя дистанцию между собой и ними. Некоторые понимали и отвечали с тем же уважением, не на «вы», конечно, но как взрослому рассудительному человеку. Но не Борисовна. Она низводила всех до мелких швалей, при любом удобном случае отвешивая подзатыльники тяжелой лапой, так что башка потом гудела. Вообще создавалось впечатление, что дети ей давно набили оскомину – «в-гробу-я-вас-всех-видала-вы-даже-государству-не-нужны-гляньте-в-телик-что-творится», – а работала она исключительно из-за какой-то провинности, вынудившей ее вкалывать именно в детдоме.

Борисовна дружила с директрисой, они вместе курили у черного хода. Часто прибухивали в директорском кабинете, распивали восьмомартовские и деньрожденные подарки. После одного такого распития Борисовна вернулась в группу с сюрпризом для Павла. Его забирали на день на прогулку. Точнее, на вечер, получалось, всего на несколько часов.

За год, который Павел провел в детдоме, это был первый раз.

Парни в группе загудели, Ваня, самый младший, спросил со слезами на глазах:

– Мама, а когда меня позовут?

– Никогда, если будешь нюни распускать, – отрезала Борисовна и рукой указала на выход. – Чжан, давай, время – деньги.

Павел приготовился знакомиться, думал, внизу его ждут, гадал, кто же это будет. Какие-то волонтеры? Заметили его на концерте? Будут приезжать каждую неделю, как к Ромке из седьмой? Но Борисовна без лишних разговоров указала на свой черный внедорожник.

– С ногами осторожней там, кресло не заляпай, – велела она, когда Павел забрался на заднее сиденье, и вдавила кнопку зажигания. Гравий захрустел под колесами, как будто лопался под тяжестью машины.

Борисовна закурила. Мерзость. Мало того, что сама травилась, так еще и заставляла дышать этим Павла. Сигареты у него ассоциировались с годом, прожитым без отца, за который мать умудрилась прокурить весь дом, с ее приступами гнева и дикой безысходной тоской.

– Нам долго ехать?

– Не очень. – Борисовна выпустила дым через ноздри. – Если понравишься, он тебя и усыновить может, или денежек подкинет. Ты ему скажи, что тебе двенадцать только будет. И морду поприветливее сделай.

Павел молча усмехнулся. Не, понятно, что он маленький и щуплый, на тринадцать лет не выглядит, да и ребят помладше забирают охотней. Но в деле-то всё написано, как есть, его уже не исправить. И смысл врать тогда?

С одной стороны, уйти из детдома было бы неплохо. А с другой – ему до выпуска оставалось всего ничего. Это мелкие мечтали о семье, Павлу уже никто не был нужен. Он видел, кто приходил за подростками, – сплошь алкаши, которым только пособие и нужно, или странные неопрятные тетки в черных платках.

Такая забрала Полину из соседней группы. Полина Павлу нравилась: светловолосая, спокойная, умная – в школе не отставала от него по оценкам. Тоже выросла не в детдоме и попала в него не так давно. Говорили, что девчонки из группы устраивали ей темную, но она не жаловалась. Потом пришли двое: женщина в платье до пят, вся скрюченная, будто немного придавленная сверху, с бледным лицом без возраста – вроде молодая, а взгляд усталый, грустный, заломы у тонкогубого рта, под глазами мешки, странная, в общем; с ней – бородатый мужик с пузом, выкаченным на пояс брюк. Пошли в комнату отдыха. Полину усадили на детский стул так, что она смотрела на всех снизу вверх, сложив узкие ладони на коленях. Женщина устроилась на краю дивана, а муж ее раскинулся рядом, глядел на Полину не очень-то приветливо. Дальше дверь в комнату закрыли, но Павел успел услышать хриплый вопрос: «Священное Писание читала?»

Полина потом уехала с ними и пропала. Кто-то сказал, что в той семье без нее уже шестеро было, жили в большом доме в деревне. Хозяйство, куры, козы, все дела.

Короче, еще неизвестно, к кому попадешь. Проще уже так, самому по себе, до восемнадцати лет перекантоваться – и на волю.

Вскоре Борисовна вырулила в старую часть города. Докурив одну сигарету, сразу принималась за другую, дым не успевал выветриваться, и Павла начало подташнивать. Стараясь дышать неглубоко, он уставился в окно на ползущие мимо дома барачного типа, на голые ветки деревьев и солнце, закатившееся на край поля. Машина свернула в частный сектор, оттуда в гаражи – кирпичные коробки, заросшие мхом, – еле выбралась из заполненной водой колеи и встала за помойкой. Ни души вокруг. Дальше они шли пешком: Борисовна семенила впереди, балансируя на скользкой грязи и мокром ветру, Павел ступал за ней, держа руки в карманах и втянув голову в ворот куртки. За поворотом, на следующем этапе гаражного лабиринта, их ждали.

Он оказался высоким и невзрачным, как осеннее утро. Близко посаженные цепкие глаза на узком замученном лице. Кожаная куртка, под ней толстовка с голографическим принтом, треники, – странный. Вроде взрослый дядька, а одет, как девятиклассник. Павел его узнал: он подходил после выступления, говорил о телефонах и какой-то фигне, спрашивал, какая модель у Павла, и пытливо заглядывал в лицо. Было в нем что-то жутковатое, неуместно детское, и Павел тогда от него сбежал.

Но Борисовна вела себя с ним обходительно, будто с проверяющим из министерства.

– Ему только исполнится двенадцать, – словно оправдываясь, сказала она дядьке.

– Тринадцать мне, – встрял Павел.

Борисовна придушенно заквохтала, Павел не сразу понял, что это смех.

– Он шутит, такой шутник у нас. Чжан, ну хоть дяде-то не ври.

Дядька оценил его краем глаза, кивнул, сунул Борисовне сложенные купюры. Борисовна купюры приняла, пересчитала и шустро сунула их в сумку.

– Паша, знакомься, это Константин, – сказала, улыбаясь. Улыбка никак не срасталась с ее лицом, казалась инородной.

– Можно просто Костя, – услужливо подсказал дядька и протянул ладонь.

Павел не спешил ее пожимать. «Просто Костя» ему уже не нравился, но он не знал, можно ли отказаться прямо на пороге. И нормально ли платить за прогулку с сиротой? Это каждый раз такое? Он обернулся на Борисовну, и та махнула рукой:

– Давай, иди. Константин, я вас познакомила, насчет следующего раза сами договоритесь. Вы же его подвезете обратно?

– Конечно, Людмила Борисовна, – кивнул Просто Костя.

Павел оглядел безлюдные гаражи. Идти? Ту- да, с этим непонятным мужиком? Они стебутся, что ли?

– Не пойду я никуда, – сказал он. – И никакого следующего раза не надо, я не хочу.

– Пойдешь. – В голосе Борисовны зазвучало знакомое раздражение, маска благодушия сползла немного. – Прямо сейчас.

– Не пойду. Я на вас жалобу напишу в прокуратуру, – нашелся Павел.

От слова «прокуратура» Просто Костя вздрогнул и как-то съежился, а Борисовна, наоборот, приосанилась, расправила крылья, мигом стала собой.

– Прокурату-у-уру, – протянула. – Да кому ты там нужен? Тебе кто поверит, шваль детдомовская? Пустышка, ноль без палочки.

Павел угрюмо молчал. От хлестких слов он будто становился меньше, превращался в ту самую шваль детдомовскую, которой никто не поверит, кому

нужна морока – заводить дело из-за сироты. Он округлялся до ноля, и в груди зияла гулкая дыра.

– Не пойду, – повторил Павел уже тише. На Борисовну старался не смотреть.

– Сережу Ерофеева помнишь?

Ерофеев с лестницы упал, как сказали – приступ эпилепсии случился. Но все знали, что его избили старшаки. После больницы его отправили в интернат для психических, и больше он не возвращался. Исчезновение неприметного, вечно сопливого Сережи мало кто заметил, кровать в группе занял другой пацанчик, а у раковины появилась новая зубная щетка. Но Павел помнил.

Значит, вот она какая, эта лесенка.

– Так помнишь или нет? – с каким-то торжеством наседала Борисовна, почуяв сомнение. – Мое терпение сейчас закончится, поедем обратно, и пеняй на себя! Я здесь до ночи стоять не буду. Ох, Константин, ради бога простите, что так вышло, я сама не ожидала…

Просто Костя мялся, озирался, печально смотрел на Павла своими впалыми глазами, словно умоляя прекратить безобразный разговор, позволить уже сделать то, ради чего они здесь собрались, и вернуться к нормальной жизни. Этого же все хотят, верно? Жизни обычной, чистенькой, чтоб как у людей. Он же не педофил и пидорас, у него просто такие потребности.

А Павлу нужны целые кости и черепушка, нормальная характеристика и медкарта без диагнозов, чтобы свалить отсюда. Чтобы поступить в институт. Чтобы жить как все. Он может и сейчас сбежать, да, – а дальше что? Бомжевать по вокзалам и все равно продаться такому вот Косте?

Мотнув головой, Павел пошел первым, свернул за гараж, шурша сухой листвой. Переступил мусорный пакет со вспоротым брюхом, скрипнул битым стеклом. Когда Борисовна уже не видела, обернулся, сунув руки в карманы.

– Только в рот, понял? – сказал строго.

– Условия здесь ставлю я, Павлуша, – ответил Просто Костя мелодичным голосом. Он коснулся челюсти Павла, того места, где выцветал полученный в школе синяк. – Я смотрю, тебя лупят.

Он расстегнул ширинку. Павел опустился на колени и зажмурился, изо всех сил желая, чтобы это всё оказалось дурным сном.

Интересно, мать делала так же? Чувствовала то же поначалу, а потом привыкла?

…Павел так и не смог привыкнуть. После встреч, поездок этих, он чувствовал себя как после ядерной войны. «Шваль, швальшваль», – гудело в голове, раскатывалось злобным смехом, жгло кожу, оставляя воспаленные клейма: «Шваль». Ты заслужил, ты знаешь это, у тебя на роду написано сосать за деньги и ноги раздвигать, такой же, как мамаша. Шваль ты детдомовская без стыда и совести.

У него не было выбора; или же был? А Павел просто струсил, пошел по легкому пути. Сам виноват – не смог защитить себя, молчал, а значит, согласился. Но ничего, он переживет, он убеждал себя. Ведь он – потомок великой цивилизации, воин с чистым разумом. Его ведь ждет Пекин, ему нужно туда попасть.

Поэтому он справится.

Павел справлялся года полтора. Иногда Просто Костя пропадал на месяц, иногда забирал три раза на неделе. В теплое время возил по окрестным лесам, расстилал плед на траве за кустами. Когда похолодало, он ограничивался машиной, иногда подъездом, выпачканным пеплом подоконником, раза два был гараж. Дни Павла превратились в тревожное ожидание: когда за ним приедут снова? Сегодня? Завтра? Что, если Просто Костя будет не один? Что, если Борисовна приведет кого-нибудь еще? Если об этом узнают в группе, в школе? Он этого не переживет тогда, пойдет и повесится, или сбросится с крыши.

Он думал, что он – тварь, и это заслужил. Сам спровоцировал такое, трус и тряпка, по нему же видно, что с ним можно так. Будь он Ромкой из седьмой группы, никто бы даже не подумал вести его за гаражи.

Он начал курить, один раз даже выпил водки, но его тут же вывернуло. Какое-то время царапал кожу ручкой, под рукавом, чтобы никто не видел. Потом взглянул на себя со стороны, понял, что это тоже могут внести в карту, выставить его психованным, не заслуживающим нормального отношения. Ему даже представился отец, который стоит рядом и разочарованно качает головой. «Ты – гораздо больше этого, – он бы сказал. – Ты – воин, который не сдается, что бы ни случилось». С тех пор себе Павел не вредил, оставив это остальным.

И что-то зародилось в нем: то разгоралось, как костер из сухих веток, то затухало, но никогда не исчезало, тлело под ребрами, свернувшись злым клубком. Павел старался затолкать это внутрь – отец учил его обходиться словами, без драки, «драка – путь глупцов, умный человек найдет способ обойтись без кулаков». Он почти привык жить в полуприседе. Молчать побольше, не смотреть в глаза: они выдавали то, что иногда стоило прятать. Всего-то надо подождать до выпуска. Но Шваль внутри Павла разрослась, надела его тело, как костюм, и вкрадчиво шептала: «Ждать будем сколько? Еще три года или пока ему не надоест? Что делать будем? Спустим ему и козлам в школе всё с рук?»

Это Шваль первой пустила в ход зубы и кулаки, не Павел.

Это Шваль избила одноклассника, а после еще пару пацанов. Не он. Павел был умным парнем, он бы не стал так подставляться.

Он нашел другой выход: стал поджидать с телефоном под дверями, прятал его в воспитательской, записывая разговоры. Сфотографировал Просто Костю, правда, издалека, и изображение вышло смазанным. Попробовал поискать по фото аккаунты в соцсетях, но ничего не обнаружил. Потом он установил нехитрое приложение на мобильный Борисовны. Оно записывало и сохраняло все звонки в облаке. Ссылки на эти файлы Павел выслал блогерам, новостным каналам и в прокуратуру.

Вышло очень легко, никто не ожидал, что Чжан, бесправный благоразумный Чжан такое учудит. Ведь всех же всё устраивало: Просто Костя выпускал пар, Борисовна и директриса пилили выручку, Павел оставался жив и почти здоров. И тут вдруг поднялся шум.

О торговле детьми в подмосковном детдоме трубили по всем каналам в Telegram и блогам в Facebook (тогда их еще не запретили), писали по всему Weibo (тот уже появился и набирал обороты). Одни вставали на защиту Павла, другие обвиняли его во лжи, называли записи поддельными, хоть он их полгода собирал.

Он стал отжиматься, молотить грушу и бегать по утрам. Он выискивал среди прохожих и посетителей детдома знакомое лицо, в любую секунду готовый броситься наутек. Он хотел спереть журнал посещений, но тот успел пропасть бесследно с фамилиями «гостей». Он запирался в компьютерном классе и рыскал по сети в панической боязни, что его личность раскроют. Повсюду будет его печальная смуглая рожа с припиской: «Вот он, несчастный Павел Чжан», и вся страна узнает. Будут таращиться на улицах, предлагать и приставать, глумиться.

Еще он искал по базам отца, – но ничего не находил, отец исчез бесследно. Через полгода их с матерью официально признали умершими, хотя Павлу от этого уже было ни холодно ни жарко.

В его жизни появился Гольдман Герман Львович, степенный московский адвокат с огромным опытом. Он вызвался представлять Павла в суде бесплатно и объяснил, что по закону журналисты не имеют права разглашать тайну личности несовершеннолетнего. Первым его советом было сидеть и не высовываться: не светить лицом, не отвечать на звонки и сообщения, всё перенаправлять ему. При появлении Просто Кости не говорить с ним, сразу бежать, звонить в полицию.

По ходатайству Германа Львовича Павла перевели в другой детдом, ближе к Москве, и держали этот перевод в строжайшей тайне. На новом месте Павлу запретили драться и хоть как-то привлекать к себе внимание. Но внимание он все равно привлекал – одной своей внешностью, учебой, манерой держаться и говорить. Одногруппники его оценивали, ощупывали взглядами, покусывали, проверяя.

От этого Павел чувствовал себя обезьяной в клетке.

Он не хотел известности. Он лишь просил, чтобы нашли Просто Костю и заперли с зеками в камере. Павел просматривал новостные каналы, ожидая заголовка вроде «Пойман педофил», но заголовка не было. Он прошел кучу экспертиз:

урологических, психолого-психиатрических, проверку на полиграфе. На закрытом заседании суда все так на него смотрели, словно он сам был виноват, словно ему не стоило мутить воду, сидел бы под камнем и не смущал честных людей своей грязью. На видео из суда, каким-то образом слитом в сеть, его лицо было размыто, но поза и голос, слова, которые он говорил, – всё казалось таким жалким и узнаваемым, что Павел еще долго озирался в страхе.

Комментарии под видео лишь подтвердили его догадки. В них писали, что он врал, что совратил, а может, и оболгал невинного приличного мужчину, и воспитателей оболгал, и в Самаре вообще десятерых в колледже застрелили, и лучше бы чиновников судили и написали про тот закон, что в мае принят, а не про «заднеприводного» из детдома. Иные следили за его историей с ленивым любопытством, с которым дети тычут палкой в голубиный труп в пыли на тротуаре. Наблюдали за ним с безопасного сетевого расстояния, поддразнивая свою жизнь, бодря ее адреналином и вздыхая облегченно: как хорошо, что вот у нас не так.

Борисовну и директрису в итоге посадили, прикрыли кого-то из «клиентов», Гольдман прославился на всю страну. Шумиха вскоре схлынула, все переключились на другое: жестокое обращение с животными, продажу заводов Китаю, адюльтер телеведущего. История Павла забылась.

А Просто Костю так и не нашли.

5

Лифт снова не работал. Неделю назад кто-то в нем застрял, сам отжал двери и вылез. Кабина два дня выглядывала на второй этаж, криво раззявив створки, мастер не торопился, и все ходили пешком, таская по ступеням сумки и коляски с орущими детьми. Потом лифт починили, Павел даже успел прокатиться разок вместе с Соней, но сейчас в шахте опять царила тишина.

Плюнув, он расстегнул куртку и побежал по лестнице. Шаги гулко отзывались в подъездном колодце, метались меж зеленых стен с маркерной росписью. На шестом этаже истерично мерцала лампочка, выхватывая из тьмы углы и двери. Кто-то возник на верхней ступени, вдруг протянул к Павлу невозможно длинные руки. Павел от неожиданности чуть не сверзился вниз, сжал кулаки, но с очередной вспышкой тень исчезла.

Показалось, всего лишь показалось.

Он вошел в квартиру, стараясь не греметь ключом в замке. Свет в коридоре не включил, чтобы не тревожить соседей, и тут же за это поплатился – зацепил ногой разряженный пылесос, и тот с шумом прокатился по полу. Так и не убрали на базу, кто же так делает? Чертыхаясь шепотом, Павел ввалился в комнату и разогнал тени, переключив режим на «дома, ночь». Поставив сумку на журнальный столик возле универсальной зарядки для всего на свете, он с удивлением заметил длинную трещину в стекле, идущую от толстого шлифованного края к одной из ножек. Это было обидно, столик ему нравился. Павел сделал пометку набрать мастера и заказать новую столешницу. Разувшись, он протиснулся мимо кровати к окну и распахнул его, впустив апрельский воздух.

Снег, выпавший с утра, успел растаять. Между мокрыми панельками, одинаковыми и унылыми, ютились школа и детсад, горбились машины на забитой до опасной тесноты парковке. Вдали с гудком пронесся первый экспресс, замелькали пустые вагоны. Спальный район спал, лишь единичные окна горели пикселями, словно ярких крошек набросали в ночь.

Со своим сном Павел уже опоздал. Мог и не уезжать с работы, на самом деле.

Вскипел и щелкнул чайник. Раздевшись до трусов, Павел заварил лапшу с креветочной приправой, выпил уже готовый и остывший кофе, прослушал сообщение от Сони, снова чуя ее запах – разлитый по комнате, впитавшийся в подушки. Он сел на кровать, устроив тарелку на скрещенных ногах, и включил редактор кода с таймером на два часа. После следовало встать и разминаться минут пять: Павел не хотел стать одним из «овощей» Сониного реабилитационного центра.

Работа шла лишь первый час. Потом внимание рассеялось, поплыло куда-то в сторону школы, родительской деревни, Просто Кости и мужика из фонда. Воспоминания обретали плоть. Обычно Павел спешил заталкивать их обратно, в те пыльные сектора, куда он не заглядывал даже в минуты глубоких раздумий. Но той ночью заталкивать не очень получалось. Эпизоды прошлого всплывали смутными тенями, проскальзывали между пальцами, плескали плавниками, нашептывали: «Разве бывают такие совпадения?».

Павел сам не заметил, как вместо редактора кода очутился в ленте новостей ушедшего дня. Больше всего писали о грядущей встрече генсека Лина и президента Енисеева с президентом США. Атмосфера, как всегда, была напряженной, политологи и просто любопытствующие со сторон САГ и Америки делали прогнозы, тысячи комментариев и видеопостов. «Министр иностранных дел КНР Ю Фан с иронией ответил на слова американского президента об экономическом давлении», – сообщалось ниже. Тут же дополнительным слоем вылезло видео, пока без звука, на котором высокий и изможденный Ю Фан что-то вещал с трибуны прессе. Иронии на его лице Павел не увидел.

Он закрыл видео и рекламные ролики, которые пропустил фильтр, пролистал ленту. Дальше шла небольшая подборка статей о суде над пойманными «контрас» – те обвинялись в вандализме, распространении вредоносных программ и наркотиков, организации несанкционированных акций и умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью, – они оказали сопротивление при задержании. Многие комментарии под статьей были удалены и заменены стандартной формой: «Пользователь заблокирован за клевету и оскорбление человеческого достоинства. Сформирована комиссия по расследованию дела, она ведет свою работу». Та же комиссия наверняка назначила большой штраф. Люди не следили за собой в сети, хотя после закона о клевете стоило бы научиться.

«Контрас» понуро сидели на скамье за решеткой в зале суда, осунувшиеся и бледные, всем около двадцати, не больше. Павлу не было их жаль. Сами полезли туда, куда не стоит лезть, и десятка была еще мягким приговором, – в том же Китае хакеров и протестующих сажали до пенсии. И было бы за что бороться. «Спецслужбы собирают данные», – говорят они. Как будто факт сбора данных может кого-то удивить.

Кого-то, кроме извращенцев, которые возят мальчиков на «прогулки» и оформляют гостевой режим.

Сдавшись, Павел набрал в поисковике: «добродел фонд». Найденный сайт оказался дешевеньким, не особо ярким, обычная визитка без 3D эффектов, всплывающего меню и прочей шелухи. Под шапкой с фотографиями чистых и милых сирот была закреплена портянка текста о миссии фонда и связи его с Правительством Московской области, о сотне праздничных мероприятий для воспитанников детдомов и лечении тяжелобольных детей, о необходимости запретить интернет в детских учреждениях, тем самым оградив детей от

эпидемии цифровой зависимости. Ниже – аудиоверсия для плохо видящих и ленивых. Текст был подписан жирным курсивом: «Краснов Сергей Константинович».

Что-то в груди заныло, запросило скрыть сайт «Добродела» и забыть.

Вместо этого Павел выбрал раздел «О нас».

На самом верху страницы было размещено фото Сергея Константиновича. Еще без бороды, но уже в очках, он стоял вполоборота и смотрел в камеру, скрестив худые руки на темно-синем поло «ральф лорен». Близко посаженные тусклые глаза, губы с опущенными уголками и вялый подбородок, шрам на шее, волосы курчавились над интеллигентно высоким лбом. Под фото – несколько предложений о главе фонда, «основателе, президенте и одном из вдохновителей благотворительной культуры САГ». Нигде не указывалось, кем Сергей Константинович работал и работает. Он будто бы соткался вдруг из воздуха лет пять назад, из ниоткуда, сразу с фондом и добрым, чуть встревоженным выражением лица.

В ухе динькнул таймер, но Павел не шелохнулся. Он всматривался в фотографию, не веря, что всё может быть так легко. Что вот он, Просто Костя, перед ним, не прячется и не сменил лицо, никто его не ищет. Он даже над именем не думал, когда приезжал за Павлом, брал отцово.

Рядом разверзлась параллельная реальность, в которой не возбуждали дело и всё шло своим беспечным чередом, день за днем, за годом год. «Я сам отец, семейный человек», – писал Просто Костя-Краснов, и Павлу перекрыло воздух, он не мог дышать. Сорвав с глаз арки, он подскочил к окну и высунулся по пояс. Влажный весенний ветер тут же выстудил тело и мозги, унял приступ тошноты и немного успокоил мысли.

Допустим, этого следовало ожидать. Многих отмазывали по блату, сколько раз о таком писали в блогах. Почему этот конкретный случай должен стать исключением? У Краснова есть возможность, есть деньги, так почему же нет? Несправедливо? Может быть, но объективно жизнь несправедлива в принципе.

Тьму вдали снова прорезал поезд, под Павлом, ниже этажом, залаяла собака. Луна закатывалась за соседний дом, подсвечивая редкий лесок антенн и труб.

Павел вернулся к аркам. Дрожащими пальцами протыкая воздух, набрал на виртуальной клавиатуре: «Краснов Константин». Поисковая служба услужливо выстроила ряд ссылок, как на подбор одинаковых и ведущих на сайт Мособлдумы, в раздел депутатов Люберецкого района. Оттуда с белого фона страницы на Павла с отеческой заботой взирал дородный, убеленный сединами мужчина, отдаленно смахивавший на Сергея Константиновича. Справа столбцом шли скупые данные: партия, дата и место рождения, конечно же, женат, один ребенок, образование и трудовая деятельность. Чуть ниже форма для онлайн обращения. Краснов-отец депутатствовал уже лет двадцать, до того был директором десятка неизвестных фирм и чего-то, связанного с ЖКХ. Член попечительского совета Благотворительного фонда помощи сиротам «Добродел».

Остаток ночи Павел копал, как мог. Пересмотрел с десяток одинаковых интервью на Youku, в которых Краснов-младший, краснея пятнами, распинался о том, как много вокруг хороших людей – на самом деле, да, кивал ведущий, – что можно помогать не деньгами, а вниманием, – ведущий снова закивал, блестя повлажневшими глазами, – и следует рассказывать о добрых делах, тогда их станет больше. Фирмы, указанные в досье Краснова-отца, были однодневками, и их доходы никак не совпадали с тратами на три дома, записанных на тещу, и виллу в Ломбардии, куда жена Краснова-младшего каталась ежегодно с двумя детьми. Брат Краснова-старшего был крупным столичным девелопером, выигрывал тендеры в Москве и Подмосковье и недавно переехал на ПМЖ в густо населенный русскими Майами.

Ссылок на статьи по собственному делу Павел не нашел, кэш-версия таинственным образом исчезла, и европейские поисковики ничего не выдали. Параллельная реальность поглотила Павла полностью, и он даже начал сомневаться в собственной памяти. Можно было поднять старые материалы, они хранились у него на внешних дисках, и выслать их анонимно на адреса новостных агентств. Получилось один раз, получится и второй. Или нет? Теперь – после принятия закона о клевете – за дело вряд ли кто возьмется. Прямых доказательств нет, а вот спугнуть он всех спугнет.

Нужно поймать с поличным и лишь потом прижать.

А если Краснов, этот обновленный святой Краснов, исправился? Если не получится накопать?

«Нет, – с горечью подумал Павел, выливая остатки недопитого вчерашнего вина в кружку из-под чая. – Такие не меняются».

В конце ночи Павел забылся на короткий час, и то ли из-за вина, то ли из-за воскрешения Краснова ему вновь привиделся кошмар.

Павел глядит в окно. Стоит на цыпочках в ночи снаружи дома, касаясь подбородком холодных кирпичей. Он смотрит внутрь, за стекло, на ламповый уют. В комнате диваны и ковры, на стенах зеркала?, горит камин, перед камином на полу сидит Краснов в халате, а рядом с ним красавица жена в длинной ночной рубахе, вроде тех, что выдают в больнице. Жена читает малышу, ему лет шесть, он смотрит на картинки в книжке, теребя губу, ведет по строчкам пальцем вслед за словами мамы. На столике – чайник и чашки, печенье и зефир. Огонь колышется, и по лицу Краснова пробегает тень, и в каждом зеркале – его кривое отражение: вытянутый нос, огромный глаз, распухла темная губа, отвиснув к подбородку.

Малыш ведет по строчкам пальцем, мама читает ему вслух. Они смеются, Краснов смеется с ними, нависает тень.

Павел зашел бы, но ему нельзя, он грязен. Грязь на его ладонях, на одежде жирным слоем, размазана по подбородку. И между пальцами в кедах тоже влажно, неприятно. Он стучит в окно, оставив на стекле развод. Краснов оборачивается на звонкий стук. Тело его не движется, а голова прощелкивает позвонками, крутится, как на шарнире, ищет Павла оловянными глазами.

Павел прячется.

Он топает к реке, и кеды вязнут во влажном податливом песке, уже не белые с зеленой полосой, а черные от грязи. Та постепенно высыхает, стягивает кожу, зудит и колет, одежда стала деревянной, совсем не гнется. Вода темной слюдяной каймой очерчивает, отчеркивает берег, над ней в лунной дорожке пляшут комары. А над головою – пропасть, полная прозрачной мглы с россыпью звезд на дне.

Слева – поле, голубоватые колосья шепчут на ветру, ночь пахнет ими и землей. В колосьях рыщет тень, хрустит стеблями, блещут оловянные глаза, и Павел

ускоряет шаг.

Тропинка огибает небольшой обрыв, видны слои песка, скрепленные корнями. Там, на краю, к Павлу спиной, кого-то ожидает дева, обнимает камень чешуйчатым хвостом и смотрит вдаль, за горизонт. Тяжелая волна светлых с рыжиной волос стекает по плечам в траву, оттуда в реку. Дева вздыхает, от вздоха из травы взлетают мотыльки. Они описывают круг над голыми плечами, и Павлу беспокойно. Он делается меньше, спускается, держась за волосы девицы, ногами упираясь в крутой берег, в выступающие корни, совсем как скалолаз. Пряди уходят в воду, Павел идет за ними.

Над головой смыкается река, из носа выбегают пузырьки.

Мимо плывет карп с человечьей головой, с раскосыми глазами, он удивлен. Он задает вопрос: что Павел здесь забыл? Ему не время появляться здесь, он рано.

Павел бы и рад подняться, но камнем опускается всё ниже, встает на ноги и, преодолевая сопротивление вод, бредет к скале, что зубом вспарывает дно. Под ней в землистой тьме сидит отец в строгом костюме, в котором ездил он в Москву, в котором он однажды вышел и пропал. Колышутся волосы, седые нити в черном, в них юркают мальки, глаза закрыты, смуглые ладони ровно на коленях, булькает тишина вокруг.

«Ба!» – Павел зовет его, и слово вылетает в воздушном пузыре, плывет к отцу.

«Я слышу», – говорит отец, не открывая глаз, а очень хочется, чтобы открыл, чтобы взглянул хоть раз на то, что выросло. Быть может, улыбнется, скажет, как они похожи, спросит, как дела. Но нет, не смотрит.

«Ты заблудился, Баолу, – говорит он. – Тебе не место здесь».

«Баба», – начинает Павел, но отец его перебивает.

«Твой разум должен оставаться чистым. – Павел вспоминает эти строки: чжан[12 - Единица измерения объема текста в Китае.] седьмой, книга «Пути». – Ты должен, не сражаясь, покорить врага. Посеять зёрна будущих побед в тело его, чтоб проросли они, разламывая изнутри устои зла, как лопается вздувшийся

кирпич на солнце. Ты никому не можешь верить, даже себе, ведь вера основана лишь на обрывочном и субъективном, на том, чего желаешь ты, а не на том, что есть на самом деле, Баолу. Запомни: правды нет».

«Баба!»

Вдруг поднимается волна и тащит Павла прочь, вместе с песком и сором. Отец скрывается за темной тучей, спину режет каменное дно, и раковины, и чьи-то кости. Павел молотит по воде руками, плывет вперед и вверх, цепляет пальцами песок, обдирая брюхо, выползает, как доисторическая рыба. Плечи и макушку поливает дождь, и слышен звон, тот пробивается сквозь войлок облаков.

Будильник голосит всё громче.

6

Пациентка из восемнадцатой поступила недавно. Таких сразу видно: тощие или же, наоборот, невероятно тучные, с болезненным цветом лица и лихорадочным блеском в глазах. Они смотрят тебе на руки – нет ли в них арок или планшета? А если есть, то какой марки? Представляются никнеймами, общаются мемами, спрашивают о новостях политики, экономики и блогосферы. Это они взрывают хомяков в микроволновках, жрут живых птиц, рыб и осьминогов, показывают грудь и прочие места незнакомцам в чате-рулетке, облизывают сиденья унитазов в самолетах, режут себя, садятся кому-то на лицо, всё в 3D и напоказ. Это они помнят, сколько у них подписчиков, но забывают пообедать.

– Вам нужно поесть.

Пациентка подняла на Соню мутный от таблеток взгляд. К еде она так и не притронулась, поднос стоял на тумбочке у койки. Худые и бледные, в тон выданной пижаме руки она сложила на коленях. Ногти обгрызены, кожа вокруг них тоже, до болячек, хотя пальцы такие красивые: тонкие, длинные.

– Зачем?

Не голос – скрежет сломанного механизма, Соня даже вздрогнула. Выпрямившись, она оперлась на швабру.

– Что значит «зачем»? Чтобы жить.

– Зачем это – жить вот так? Один день похож на другой, и снова, и снова, всё такое серое, скучное. Это жесть, Сонечка, это какой-то отстой.

– Вам обязательно станет легче. Вот вы завтра поговорите о ваших мыслях с Элиной Вадимовной, и она поможет. Она помогла уже многим в нашем центре, – для большей убедительности добавила Соня, собрала сор в щепотку, бросила в пластиковый мешок, закрепленный на тележке, отжала швабру и полезла ею под кровать.

Психотерапию в «Благих сердцах» все поступившие проходили с первого дня. Еще были группы поддержки и обязательная служба по утрам. Пациентов собирали в церквушке на территории, батюшка пел густым басом, хор подпевал, и от эха, что возносилось к куполу, даже у Сони что-то трепетало в животе.

Она прополоскала швабру в мыльной воде и с широким отмахом протерла комнату еще раз. Пациентка следила за Соней, забравшись с ногами на кровать. Глаза ее – слишком большие на истощенном лице – поблескивали в полутьме. Теперь они не казались сонными.

– Соня… – прошептала пациентка. – Принеси мне планшет, пожалуйста. Нужно срочно брату позвонить.

Ох, ну вот начинается опять. Криво улыбнувшись, Соня убрала швабру в тележку. Пора катить отсюда.

– Я не могу, вы же знаете. Да и связь здесь не работает.

– Ты отключи интернет, я в сеть не полезу. – Пациентка Соню не слышала в упор, но смотрела очень внимательно. Глаза сузились, пальцы смяли простыню, и тихо-тихо затрещала ткань. – Ну Соньк, ну камон! Один звонок.

Поморщившись от фамильярного «Соньк» и старперского «камон» – когда так говорили? лет три- дцать назад? – Соня отступила к двери. Не спеша, не выдавая страх.

– Я не могу, простите, – повторила, вышла и быстрей задвинула щеколду.

Православный реабилитационный центр «Благие сердца» был местом спасения многих зависимых. Круг тишины, обведенный бетонным забором. Посмотришь из окна – а там всюду лес, вечнозеленое море сосновых игл. Подмосковный свежий воздух, щебет птиц, колокольный звон, запах выпечки из кухонной пристройки. Лучше места не придумаешь, чтобы прийти наконец в себя.

А на прошлой неделе один новенький повесился. Всё просил очки или планшет, выл за дверью, потом выдрал резинку из трусов и привязал себя за шею к батарее. Обувь со шнурками и прочие личные вещи у пациентов отбирали, но никто не подумал про старые огромные трусы, и за камерами не следили. А когда увидели, было уже поздно, и распластанная глыба его тела на полу будто отпечаталась на Сониных глазах. Она не могла забыть по-женски обвислую грудь, крохотную в сравнении с ней голову с пятачком лысины и похудевший бледный живот, который наплывал на бескровные ноги мягкой складкой, скрывая пах.

Умерший был программистом, и Соня сразу подумала о Паше, о том, как он выпадал из реальности каждый раз, стоило ему надеть очки. В такие моменты он будто немного умирал, и часть его растворялась в двоичном коде. А может, это код внедрялся в тело, встраивался в спираль ДНК, как вирус.

Соня протерла наклеенную на дверь иконку и покатила тележку к следующей комнате.

Мыть полы ей выпадало дважды в месяц. Она ходила по реабилитационному центру в черной косынке и черном просторном платье, поверх которого повязывала фартук, и шваброй (а не с помощью этих ваших новомодных пылесосов, Иван Тарасович примерно так сказал) отмывала пол. В остальное время – а это раза два в неделю, в свободные от подготовительных курсов и работы в «Али» дни – Соня стирала и гладила белье в прачечной в подвале, дежурила в столовой, размещала новеньких, внося их данные в базу. Если требовалось, кроме анкетирования она находила юристов, врачей, помогала связаться с родственниками и получала рецепты на лекарства. За работу в центре Соне не платили, всё на добровольной основе и с Божьей помощью. Но, опять же, хорошая практика общения с больными – плюс к портфолио при

поступлении в мединститут.

В следующей комнате обосновались Сысоевы: мать с дочерьми одиннадцати и восьми лет. Зависимыми они не были, скорее – созависимыми, и скрывались от отца семейства. Мать просто не знала, куда еще пойти, в полицию заявлять категорически отказалась, и «Благие сердца» были единственным местом в мире, куда ее муж не заявился бы даже под страхом смерти.

За окном стемнело. Мать спала лицом к стене, а девочки, ласковые воздушные создания, похожие на фей, делали друг дружке прически, мурлыча попсовую песню. Они делили волосы на пряди и сплетали их в немыслимые свадебные кренделя. «Это нас папа научил для стрима», – пояснила старшая, и Соня содрогнулась.

Для другого стрима отец заставлял их лупить друг друга на камеру до крови: кровь и крики собирали больше лайков и донатов. Если девочки не соглашались, он избивал обеих.

Люди стали ресурсом. С самого рождения каждый миг их жизни был разворован соцсетями, мессенджерами, стримами, подкастами, ТВ и рекламой, генсеками на кабриолетах, психологами в Youku, играми в планшетах, арках, vr-очках с эффектом полного погружения. Ни у кого не осталось времени хотя бы на то, чтобы услышать самого себя. Вот, например, спросила она у старшей девочки, кем та хочет стать, когда вырастет. Сама Соня в одиннадцать уже лечила кукол, выписывала им бисакодил и барбитал по фармакологическому справочнику. Но девочка глянула так растерянно, будто ей предложили решить задачу по тригонометрии, не меньше. Она не знала, чего хочет, никем себя не представляла без подсказки блогов и отца.

Младшая долго наблюдала, как Соня возит тряпкой по плинтусам. Затем спрыгнула с кровати и с решимостью потянулась к губкам и бутылкам с антисептиком на тележке.

– Я помогу.

– Нет-нет, милая, не надо! Они все в моющем средстве, сплошная химия. Только взрослым можно трогать. И только в перчатках. – Соня продемонстрировала свои ядовито-резиновые перчатки до локтя. «Презерватив для рук», как называл их

Паша.

Девочка понуро вернулась на кровать, к сестре, и Соня, спохватившись, отругала себя: любую детскую активность следовало поощрять, а не резать на корню. Им было скучно. Что ж, дай-то бог, они поймут, как развлекать себя без интернета.

Девайсы в центре были запрещены, так что Пашин пропущенный звонок Соня обнаружила только часов в девять, когда домыла всё и забрала сумку из ящика на проходной. Она перезвонила, но Пашка не ответил. «Созвонимся завтра, я очень устала», – Соня оставила голосовое сообщение и включила авиарежим. Хотелось просто лечь в кровать и проспать неделю с перерывами на еду и туалет. Но со сном у Сони как раз были проблемы. Стоило лечь в кровать, как в голову лезли мысли о вступительных экзаменах, до которых осталось два месяца, и Соню пружиной выталкивало из-под одеяла на диван, перечитывать стенограмму лекций, зубрить, больше читать и больше знать.

В прошлом году обидно вышло: на химии, в последней задаче, за которую давали наибольший балл, условие можно было расценить двояко. Уточнить у наблюдателя Соне не дали, шикнули и страшно посмотрели. В итоге она очутилась в списках на один балл ниже проходного, почему-то уступив совсем уж недалекому мальчику, москвичу из хорошей семьи. Судя по гладкому спортивному электрокару того мальчика, родители устроили бы его и на платное, но почему-то выбрали бюджет. И теперь он в компании таких же первокурсников шел мимо Сони на лекции, демонстративно не здороваясь (год назад она не согласилась на свидание), а Соня вновь спешила на подготовительные курсы. И ощущение такое гадкое – быть старше всех в аудитории, хотя понятно, что двадцать один – это совсем не старость, что Соне после школы пришлось работать посменно в районном центре рядом со своим Костеево, и не обязана она ни перед кем оправдываться.

Даже сейчас, когда она ждала автобус на остановке у центра реабилитации, в наушниках бубнили лекции. Трескучий фонарь нависал над остановкой, выхватывая Соню световектором, как софит актера. Под ним прицелилась камера, снимала свое низкобюджетное кино. Из просвета между облаками выглянула луна мармеладной полупрозрачной долькой. Узкое шоссе пустовало, уходя по обе стороны во влажную лесную тьму, в которой будто что-то шевелилось и вздыхало, пробуждаясь ото сна. Ни блеска фар, ни шороха колес, только вдали, под маячком следующего фонаря, позвякивая, проехал велосипед, и не видно было, кто на нем сидит. Будто сам по себе он пересек шоссе и

скрылся.

Ждать автобуса в глухомани рядом с центром реабилитации было не только долго, но и страшно: несколько раз рядом тормозили мужчины, спрашивали, сколько Соня хочет за ночь. А когда не было машин, в игре света на мокрых ветвях чудилось шевеление, шорохи походили на шаги, тени – на фигуры.

Многие вещи будоражили Сонино воображение, и оно тут же подкидывало жуткие картины. Например, видеоглазок. Соня всегда смотрела на него, проходя мимо входной двери. Этот ритуал остался еще со времен Костеево, когда Соня вытягивалась на цыпочках и прижималась к липкому дерматину щекой, чтобы выглянуть наружу. Каждый раз она со страхом ожидала увидеть черных дядей, которые приходили к маме с папой. Как русская рулетка: прилив адреналина и облегчение, нет никого, зря боялась, лишь стены подъезда, выгнутые линзой. Но иногда в глазке было темно, и кто-то стоял за дверью, в трех сантиметрах от Сони, в двух стальных листах, и Соня отступала, не дыша, как будто ее дыхание могли услышать.

Дяди появились после того, как папин бизнес прогорел. Папа хотел наладить производство одноразовых стаканчиков из коровьего навоза – делают же блокноты из слоновьего дерьма, – даже нашел инвесторов, но деньги куда-то быстро утекли, в основном на нужды семьи. Дома появилась приставка, новый холодильник, ноутбуки, велосипед брату Валерке, летом всей семьей съездили на море в Сочи. А стаканчиков всё не было.

Начались звонки. Посреди ночи играла музыка на мамином телефоне, и Соня кралась к двери большой комнаты подслушать, о чем так тревожно переговаривались родители. Они вроде как были рядом – и одновременно витали где-то далеко, за экранами телефонов и планшетов. В ответ на все просьбы Соня с Валеркой слышали неизменные «подождите, не сейчас» и «я работаю», хотя на работу, как другие взрослые, мама с папой не ходили. Соня отправлялась к книжным полкам, в основном заставленным бабушкиными медицинскими справочниками, а Валерка – к лего. Игры в телефоне были под запретом – мол, это вредно.

Потом черные дяди – кол-лек-то-ры, как назвала их мама, – пришли домой. Звонили в дверь, и мама с папой говорили шепотом, старались не производить

ни звука, выключили свет. В первые разы это помогало, а спустя месяц или около того в замке пошуровали и в квартиру ворвались. Соня с Валеркой метнулись в свою комнату, залезли под кровать.

Оттуда были видны лишь прорезь света в коридоре и три пары ног в грязных берцах. Мама подняла страшный крик, звала соседей и полицию, ее розовые тапки мялись перед ботинками, потом попятились назад. Раздался глухой звук, будто подушку взбили кулаком, и папины тапки исчезли тоже. Осторожно выглянув, Соня увидела большую тень, которая сгребла всё, что лежало на тумбочке в коридоре: наручные часы, серебряные сережки-гвоздики, зачем-то пачку сигарет и упаковку жвачки. Мать в соседней комнате всё еще кричала, но уже полузадушенно, устало. Незнакомый мужчина в коридоре перечислял их вещи. Чиркнула зажигалка, и на миг Соня даже подумала, что сейчас их подожгут. Но по квартире пополз запах табачного дыма.

Когда коллекторы ушли, Соня вылезла, стряхнула клочья пыли и паутину. По большой комнате и кухне как будто ураган прошел. Пропали телевизор, приставка, ноутбуки, телефоны и мамина шуба. Розетки были вырваны из стен, висели на проводах – они и так слабо держались, шатались и рассыпа?ли крошку цемента, когда Соня втыкала в них вилки приборов. Холодильник завалился набок, раскрыв дверцу и помигивая лампой. Вещи многоцветной тряпичной грудой лежали перед шкафом, папа сидел на диване, обхватив голову руками и глядя себе под ноги. Мать, рыдая, расставляла бабушкины статуэтки по полкам, собирала их, безголовых и безногих, с пола. Соня стала помогать. К ним подключились папа и Валерка, и это было круто: они редко вместе занимались чем-то. А с упавшими на пол, более-менее целыми яйцами мама замесила тесто и пожарила блины, квартира наполнилась сытным жирным духом, и запах курева пропал.

С тех пор Соня с Валеркой спали у родителей. Детскую комнату стали сдавать узбеку Яшке (так он называл себя), денег у которого было раз в пять больше, чем у всего семейства Снегиревых. Порой, когда Соня оставалась с Яшкой наедине на кухне, он улыбался и предлагал уехать с ним в Узбекистан. Иногда подкармливал конфетами, подкидывал рубли. Она еще помнила потертые купюры с Большим театром и надписью «Москва».

Папа с мамой стали ходить на работу, возвращались поздно. У них снова появились смартфоны и небольшой ноутбук, на котором отец резался в «танчики» после работы. Когда он играл, лицо у него было странное, как

мертвое, и он ничего не слышал, даже если подойти и что-то на ухо сказать. Потом он шел спать, а мать пила коньяк на кухне, читая что-то в телефоне – в прямоугольной пластине размером с ладонь, с мелким, ломающим зрение шрифтом. «Танчиков» и коньяка становилось больше, добавились другие игры и напитки, Валерка пропадал с пацанами во дворе, и квартира с годами превратилась в ненавистный нечистый скворечник, который уменьшался, давя Соне на плечи. Мать, наверное, тоже ощущала эту тесноту – и вскоре выгнала отца, освободив себе пространство.

Когда Соне было лет тринадцать, она снова увидала коллектора из коридора. Шла поздно вечером от подруги – домой раньше одиннадцати не возвращалась, не хотелось там даже ночевать. Вытоптанная в снегу дорожка вела от нового микрорайона через пустырь к старым пятиэтажкам. Никого, только над головой мерцали звёзды, как проколы в прозрачном морозном покрывале. Ветер принес тонкий свист, какую-то мелодию, впереди вспыхнул и растаял сигаретный уголек, и из-за частокола кустов в конце дороги вышел мужчина. Вздрогнув, Соня замерла, увидев в черном силуэте другой, из коридора. Как он ее выследил? Хотел забрать ее, как папин компьютер и мамины сережки?

Соня развернулась и припустила обратно по дорожке. Оглянулась: тень неслась за ней широкими прыжками, куртка вздулась пузырем, как брюшко паука, в свете луны поблескивал ежик волос. И что-то вспыхивало алым угольком, а то и парой, у его лица.

На другом конце пустыря стояла церковь. Соня бросилась к ней, взбежала на крыльцо, ступила в теплый, пахнущий ладаном предбанник и обернулась. На залитом лунным светом пустыре никого не было, рассеялся морок.

После этого учеба Сони пошла в гору. Как-то сама собой сгустилась цель – поступить в мед, через пустырь Соня больше не ходила, только если в церковь иногда. Закончив школу, переехала в районный центр («привезешь в подоле – будешь с приплодом в подъезде жить», благословила мама напоследок) и нашла работу, тяжелую, посменно, но с общежитием. И лишь через год она решилась: сначала в Питер, а затем в Москву. В Костеево Соня больше не возвращалась: оно было прочно связано с черными тенями и пьяным посвистом, от которого леденели пальцы.

Сейчас, когда Соня стояла на остановке у центра «Благие сердца», ей тоже чудилось движение в кустах, чей-то тяжелый взгляд наблюдал за ней, отвлекая от лекции. Она даже вынула один наушник и сунула его в карман, чтобы прислушиваться к шуму деревьев и свисту ветра в щели между крышей остановки и ее стеной.

Тишину прорвал автомобильный рык, за поворотом разлилось зарево от фар, и к остановке подрулил побитый серебристый «лифан», такой низкий, что, казалось, кузов сидел прямо на колесах и чиркал номерами по асфальту. Стекло с пассажирской стороны опустилось, выпустив тягучий печальный баритон и звуки скрипки, и из салона выглянул Руслан, коллега Сони.

Выглядел он лет на тридцать, хотя на деле был прилично младше. Скуластое лицо обрамлено чернотой волос: отросшая кудрявая челка, полоса бровей, вьющиеся бакенбарды, трехдневная щетина, сползавшая на шею и ниже, в ворот толстовки. На пальцах волосатых рук крупные перстни, начищенные до подвижного веселого блеска, каким блестели и глаза Руслана.

– Привет, красивая! Подбросить?

Соня с благодарностью забралась в салон. «Лифан» Руслана был стар, как мир, вонюч, ездил на бензине, без автопилотов и электронных наворотов, и даже громкость радио регулировалась механически, поворотом ручки. В салоне было душно, горький запах выхлопных газов въелся в обивку.

– Ты до метро подкинь, а дальше я сама.

– Могу сразу до кафе, – быстро предложил Руслан. – У меня рядом с работой годное место открылось.

– Не могу, у меня подготовительные курсы.

Хотя, может, курсами она отговаривалась в прошлый раз? Соня не помнила.

Поклонники и недоделанные пикаперы давно слились в одно лицо, в одну несмешную шутку, с которой начинали разговор. Очень редко встречался кто-то действительно оригинальный и адекватный, и получалось очень странно:

одиночество при постоянном окружении мужчин. У Сони даже собрался набор дежурных фраз, расплывчатых и необидных, которыми она выталкивала ухажеров во френдзону. Ей не хотелось ни с кем ссориться, особенно с Русланом.

– Ты видел в новостях? – Соня сменила тему. – Им десять лет дали.

Руслан мрачно кивнул:

– Хотя они ничего не делали, по сути, их просто запалили с трафаретом.

– И еще эта история с закладками… Это же точно не их.

– Конечно. – Он с хрустом почесал щетину, и Соне тоже захотелось почесаться. – Мы наркотой не занимаемся.

Руслан был Сониным координатором в «Контранет». Они познакомились осенью, когда Соня пролетела с поступлением и устроилась в «Благие сердца». Руслан тоже был новичком. Сперва они просто общались, он прощупывал почву, следил за Сониной реакцией на акции «контрас», иногда заводил нужный разговор. Соня горячо поддерживала «Контранет», по крайней мере в вопросе сетевой зависимости. Потом он предложил поучаствовать, нарисовать слоган на стене. Велел удалить единственную страничку в соцсети, установить определенный мессенджер, выдал трафарет, баллончик с краской и предложил самой выбрать место, но не рядом с домом.

После провала на экзамене Соне было тошно от самой себя, хотелось вырваться из привычного круга диетически правильной жизни. Сколько лет она выполняла все задания на курсах вовремя, не опаздывала на работу, всегда улыбалась, идеальная девушка идеального парня, у которой никогда не болела голова и не было проблем, Снегирева-молодец, хорошая девочка, как дрессированный пудель в цирке, ей-богу. Поэтому Соня удалила себя из соцсети легко: всё равно после просмотра чужих, таких идеальных страниц с отборными моментами из жизни она не испытывала ничего, кроме чувства неполноценности. И исписала стену с удовольствием, не абы где, а на здании администрации района. Тем же вечером ее добавили в списки, и в арках высветился анонимный чат. Каждые двадцать четыре часа чат удалялся и создавался новый, всегда с разным количеством участников.

Еще Соня была «куклой» – знакомилась с охранниками и с помощью бесконтактных устройств взламывала их планшеты. «Контрас» устанавливали на них приложения, отслеживали передвижения охраны, проникали в системы безопасности зданий. Она боялась, да, но вместе с тем хотелось больше адреналина, мрака пустых дворов, внезапного шороха проезжающих машин, холодного стука шариков в баллоне, колких мурашек за шиворотом – застукают или нет? Сейчас или потом?

Но ее не могли поймать. Со вступлением в ряды «Контранет» Соня стала чем-то большим, неуязвимой частью разросшегося организма.

Машина Руслана разогналась, и Соня с восторгом вжалась в сиденье, глядя, как за окном хлещут мимо елки и заборы.

– Кстати, красотуля, – гордо сказал Руслан. – У меня офигенная новость.

Новостью было то, что Руслана брали на баннер. Он давно хотел, чтобы ему доверили это важное задание: закончил курсы промальпа, облазил все заброшки, даже подрабатывал мойщиком на многоэтажках, готовился как мог. И наконец дождался.

– И знаешь чё? – Он вырулил из лесной тьмы на слепяще-яркий МКАД. – Ты едешь с нами, красотуля. Я обо всем договорился.

Соня замерла, чувствуя, как мурашки сбегают по затылку и спине. Она пока не понимала, восторг это или страх.

– Я не могу, ты что! Руслан, я же не умею лазить…

– Да не полезешь ты, не ссы, просто постоишь на крыше, нажмешь кнопку, когда я скажу. Там вообще будет халява. – Он махнул рукой. – Я спущусь метров на десять, приделаю провода к рамке и пожумарю обратно. Башня почти без охраны, ребята там всё проверили давно.

Глаза у Руслана сверкали. «Баннер, прикинь!» – он периодически восклицал и улыбался ночи за лобовым стеклом, влажному асфальту, пробкам, мегамоллам, 3D-рекламе на обочинах и светофорам с красным светом. Его радость оказалась

заразительной, и вскоре Соня тоже улыбалась, представляя, как ловко они всё провернут и какие заголовки потом появятся в новостях.

– …а он, этот пекинский гусь, мне пишет, типа «ты понимаешь, что это серьезное задание?» А я не втыкаю – он там прикалывается, что ли? Я, блин, вообще всё понимаю и все умею, зря, что ли, полгода окна мыл? И откуда ему знать…

– Пекинский гусь? – оживилась Соня, вспомнив о книге на столе у Павла. – Кто это? Какой-то китаец?

– Не знаю, какой-то козел в чате, ник – «пекинский гусь». – Руслан покосился на Соню. – Мне, кстати, велели у тебя спросить, может, ты все-таки надумала…

Соня подозревала, о чем наклевывался разговор. Где-то с месяц тому назад «контрас» прознали о Пашиной работе. Руслан начал спрашивать, кто ее парень да чем он занимается, хотя видно было, что он и так в курсе всего. Затем он сказал, что «старшие» хотели кое-что записать на Пашин планшет. «Просто программку слежения, – сказал Руслан. – Ничего особенного. Откроешь письмецо, которое мы пришлем ему на почту, и всё».

Соня, разумеется, отказалась, она не была дурой.

– Слушай, ну просто ходят сейчас слухи насчет новых китайских чипов, нашим интересно, что да как, – протянул Руслан. – Пожалуйста.

– А Паша здесь при чем? Он не занимается никакими чипами.

– Поговаривают, что и у нас введут, Сонь.

– Да ну перестань, что за чушь. Об этом уже давно бы все узнали.

Руслан хмыкнул, и прозвучало это очень многозначительно.

– Это как с китайскими «контрас». Никто за пределами Китая о них не знает, а они есть, и их полно. Вспомни отключение в Шэньчжэне. А с чипами у них там стремные дела. Я не хочу, чтобы и у нас такое же началось.

В этом Соня была с ним согласна. Даже подумать страшно – в организм вживляют какую-то электронную штуку, пускай и крохотную, но всё же. А если отторжение? Если сепсис и летальный исход, если младенец или пожилой человек с диабетом – им тоже имплантируют этот девайс, потому что правительство сказало? Разумеется, в новостях о подобных случаях не сообщали, но они наверняка были.

Нет, Паша не мог быть с этим связан. Иначе что у него дома делала книга, скан которой Руслан хранил в зашифрованном виде? Старая, бумажная, ни года издания, ни типографии – ничего. И лежала она не в ящике под кроватью, а на видном месте, Паша явно ее читал.

Вот уже две недели как Соня считала его одним из «контрас». Недавно даже нарисовала слоган в его подъезде. Вышло спонтанно: Пашина коммуналка ей не очень нравилась – столпотворение людей в одной квартире напоминало Костеево. Но Паша мог решить, что она брезгует его комнатушкой, не просто же так он прятал это аскетичное сокровище два года. В его странную голову могла прийти любая мысль. Поэтому Соня напросилась на ночь снова. Лифт был сломан, и, когда она взбиралась по лестнице, подумалось: а почему бы нет? Вдруг надпись натолкнет Пашу на нужные мысли, если он и правда «контрас»? Вдруг он что-то скажет, выдаст себя? Баллона с трафаретом под рукой не оказалось, пришлось писать маркером. Но получилось все равно красиво. Об этой надписи Соня не сообщила в чат.

Она помолчала, раздумывая, сказать Руслану о своих догадках или нет.

– Скажи, а что с этим «Путем»? – спросила она.

– Что с ним?

– Почему ты его прячешь?

– Ну вроде как ей шифровали сообщения первые «контрас». Думали, в бумажных книгах никто ключи искать не станет. Я решил не светить на всякий случай.

Соне вспомнились выцветшие карандашные пометки на полях.

– А ты что думаешь? Правда шифровали?

Руслан пожал плечами. Как Соня заметила за время их знакомства, он в принципе не очень много думал, зато питал слабость к редким вещицам вроде своих перстней. Ну или скана «Пути». Может, и эта история была его выдумкой, красивой легендой, чтобы придать вес китайской мудреной псевдофилософии, обычным истинам, преподнесенным заковыристым путем.

Свернув с МКАД, «лифан» потолкался в остатках вечерней пробки и остановился у недавно открытой станции метро «Союзная». На площади перед «Союзной» красовался памятник – Лин и Енисеев. Енисеев с укоризной взирал на Соню, а на его гранитной голове сидели голуби, пометившие символ нации белым пятном у лба.

– Через две недели, не забудь, – сказал Руслан.

Соня кивнула, волнуясь. Но волнение было приятным: когда еще она окажется на крыше небоскреба? Так высоко – в прямом и переносном смыслах – она еще не забиралась.

Отсалютовав в открытое окно, Руслан дал по газам. Его машина выпустила облако выхлопа, вильнула, с пронзительным гудком подрезав лимончик такси, встроилась в автопоток и скрылась. А Соня записала в календаре: поездка к маме, машинально отметила взглядом камеры у входа в метро и поспешила в стеклянный вестибюль.

Состав в центр стоял пустой. С другой стороны платформы такой же состав опустошался, пассажиры строем шли к эскалатору, где скапливались в бутылочном горле, спрессовывались до гомогенной дышащей и полусонной массы.

На кольцевой было не в пример оживленнее. Москвичи спешили домой после работы, не видя никого и ничего вокруг, а у большой схемы метро, вкрученной в пол посреди вестибюля, собралась группа китайцев. Все в красно-синих куртках – цвета флага Союза, половина в кепках и панамках, кое-кто даже в темных очках, хотя на улице еще не стаял снег и царил глубокий вечер. Они галдели, водя пальцами по стеклу. Некоторые разбрелись по станции, вставали в самых неподходящих для того местах, например, у лестницы на переход, и снимали на

последние модели очков и профессиональных камер барельефы и людей. Некоторые вообще сидели на полу, копались в сумках и фотографировали снизу. Прочие пассажиры их с недовольством обходили, но молчали.

– Глянь сюда! – гаркнула одна туристка прямо на ухо Соне, та аж вздрогнула.

Другая, что толклась с камерой на противоположной стороне станции, что-то проорала в ответ, но подъезжавший поезд заглушил ее слова.

– Простите, – сказала Соня по-китайски, пытаясь тетку обойти.

– Что?! – та крикнула подруге и принялась отчаянно махать руками, чуть не заехав Соне по лицу.

Над головой пронесся селфи-дрон, маленький жужжащий монстр размером с палец. И ведь на каждой остановке в поездах специально для таких вот по-китайски и по-русски повторяли про безопасность и запрет на летающие гаджеты в метро!

С протяжным высоким вздохом, будто ангелы тянули одну ноту, подъехал поезд и раскрыл двери. Подрагивая от раздражения, Соня зашла внутрь, в кондиционированную прохладу, и зацепилась за поручень у самого входа. Вагон был битком заполнен, люди слиплись боками, как пельмени на дне кастрюли. Двери закрылись. Поезд тронулся, снаружи замелькали колонны, за ними служащий станции спешил к китайцам, те галдели и водили пальцами по схеме, а дрон пикировал на макушки пассажиров.

Соня старалась любить всех человеческих существ, и даже того, прости господи, урода – пациента, продавшего квартиру престарелой матери и продувшего выручку в онлайн-казино. Но китайцы представлялись Соне саранчой, роем смуглых безликих насекомых, пронумерованных и зомбированных лично генсеком. Они исследовали всё новые и новые объекты, плавали в Байкале, покоряли якутские морозы, делали селфи в Карелии, всюду оставляя следы: фантики, использованные билеты, окурки, пластиковые бутылки, собственное семя. Они занимали всё новые пространства, как газ заполняет любой предоставленный ему объем, и мир всячески подстраивался под них.

И кто бы мог подумать, что она станет работать в магазине китайских товаров и встречаться с парнем по фамилии Чжан? Ведь это Соня решительно не понимала повальную влюбленность в актеров китайского «мыла», это она смеялась над подругами, когда те вздыхали по очередному (такому же, как предыдущий!) красавчику-азиату с гладким, как у девушки, лицом и напомаженными губами.

Свою иррациональную привязанность к Паше она оправдывала тем, что он на китайца не походил: выглядел иначе, да и по сути своей отличался. Трудился день и ночь и улыбался каждому встреченному китайцу, словно старый друг, – но от себя не убежишь. Он на всё имел собственное мнение и собственные правила, совсем не походил на единицу роя, не вписывался в офисный муравейник, думал, что хочет стать таким, как все, – а на деле стремился обойти всех, выделиться из общей массы. И у него прекрасно получалось.

Тогда, два года назад, Соня заметила его сразу. И дело было даже не во внешности, а просто взгляд зацепился, и всё. Актовый зал ломился от детей всех возрастов, дальше, у зеркал, собрались воспитатели, а за их нестройным рядом, у двери, стоял парень. Скрестив руки на груди, он привалился плечом к стене и наблюдал. Не улыбался, не подмигивал, но так пристально смотрел, что Соня все слова забыла. Как в дурацкой мелодраме, ей-богу, так и было.

Наверное, то был единственный раз, когда Соня сомневалась, что к ней подойдут знакомиться. Но Паша подошел. Пригласил в кинотеатр, и это было так старомодно и необычно – в эпоху vr-фильмов сидеть в гулком темном зале с одним экраном, выключить очки и просто смотреть кино. Случайно коснуться в темноте чужих пальцев, затем коснуться еще раз, уже неслучайно, взять за руку. Это было как впервые в жизни вместо суррогата выпить кофе. Потом они гуляли по ВДНХ и даже прокатились на колесе обозрения детского размера – в самой верхней точке с него были видны лишь павильоны, выстроившиеся вдоль главной аллеи и фонтанов, район до бывшей телебашни, а с другой стороны – извилистая нитка Яузы, лысый парк и железная дорога до Мытищ. Ничего особенного, но всё это, погруженное в мягкий весенний свет, казалось Соне божественно красивым.

Они с Пашей оказались на одной волне. Он симпатичный, умный, ответственный, не комплексовал из-за ее роста, как многие другие, ну или по крайней мере производил такое впечатление. Не играл, не имел страниц в соцсетях, четко дозировал проведенное в интернете время – он даже ставил таймер, что Соню восхитило.

То, как сдержанно он вел себя в постели, Соню тоже не смутило. Паше как будто требовалась разрядка и больше ничего, не близость, а пресный механический процесс в сумерках под одеялом. Сперва она, конечно, переживала. Думала, что дело в ней, хотя одноклассник и коллега с работы, с которыми она встречалась ранее, проявляли к сексу больший интерес. Собственно, только сексом они и хотели заниматься, сводя все разговоры к пошлым шуткам и приглашениям домой на растворимый капучино. Потом, понаблюдав за Пашкой, Соня пришла к выводу, что он сам по себе такой. Секс его не очень интересовал, и он им занимался потому, что так положено. Положено раз в неделю оставаться на ночь – значит, он будет это делать, не слишком-то стараясь, без акробатических чудес. Он экономил силы для своей работы, для других целей – и в этом они с Соней тоже прекрасно совпадали.

Соня никогда не получала особого удовольствия от занятий любовью. Всё было стеснительно, душно, влажно, пресно. Еще и это зеркало на потолке съемной квартиры, которое явно было сделано для розжига огня, но Соню зеркала?, наоборот, смущали. Лежа на кровати и глядя в отражение, она начинала думать не о сексе, а о том, как смотрелась с разведенными ногами, между которыми происходило поступательное однообразное движение. Как будто угодила в порнофильм, и кто-то наблюдал за ней со стороны, ждал выверенных поз и красивого, не перекошенного сладкой судорогой лица.

– Девушка, выхо?дите? – гаркнул кто-то сзади.

Соня мотнула головой, посторонилась, пропуская женщину в псевдонорковом пальто. Вставила наушники, не надевая арок – дужками они давили за ушами, и от этого болела голова, – и лекция заиграла с последней отметки.

«…При обострениях основного заболевания, которое и вызвало кахексию, может нередко возникать помрачение сознания в форме аменции, – сообщила лектор скучающим тоном. Голос ее был по-профессорски стерильным, очищенным от модуляций. – Сумеречное помрачение сознания, тяжелые или рудиментарные формы делирия, которые сменяются тревожно-тоскливыми состояниями, апатическим ступором, псевдопаралитическим синдромом [для просмотра гиперссылки подключите ar-очки]. Даже в случае благоприятного исхода основного заболевания, вызвавшего кахексию, всегда остается продолжительная астения. В ряде случаев она сочетается с различными по интенсивности проявлениями психоорганического синдрома…»

Тревожно-тоскливыми и астеничными в центре были практически все пациенты. Без гаджетов они не находили себе места, вздрагивали от резких звуков, очень суетились, в столовой ни с кем не говорили. Тяжело заводили знакомства, а если и знакомились, то общались очень поверхностно и быстро расходились.

Хотя, если подумать, так вели себя не только пациенты.

Соня осмотрелась, не встретив ни единого взгляда. И даже вздумай она раздеться догола, она бы их не привлекла; только линзы камер, только блики на стеклах очков в кондиционированной тишине метрошного вагона.

Усталость опустилась Соне на шею и плечи. Спину ломило: день в полусогнутом положении со шваброй давал о себе знать. Пациенты отпускали Соню неохотно, их тихая обыденная боль въедалась в память. Так хлорка впитывалась в кожу, несмотря на резиновые перчатки, и Соня еще долго пахла вокзальным туалетом.

Еще нужно было отправить документы в институт. Снова их перечитать, чтобы точно ни ошибочки в анкете не осталось, и выслать. При мысли об этом леденели пальцы, но Соня и так уже неделю тянула, дольше ждать было нельзя.

«…При психогенной анорексии лечение назначает и проводит психиатр, – сообщил учебник. – Могут применяться средства, повышающие аппетит [для просмотра гиперссылки подключите ar-очки]. Следует полностью исключить стрессовые ситуации и алкоголь…»

7

Игорь Лыков проснулся в семь часов утра на восьмом этаже дома номер двадцать пять по улице Пионерской города Коломны, недалеко от островка торговых центров, городского суда и юркой речки Репинки, которая петляла в овраге и впадала в пруд. За прудом крутили головами краны, похожие на удивленных птиц, и строился жилой комплекс. Дальше шоссе, пока пустое, но вскоре грозившее забиться, как ржавая труба, и встать утренней пробкой. Над ним свинцовая дымка – пригнало ветром от мусоросжигательных заводов.

Пробудился Игорь не до конца. Голова была мутной, похмельной. Ночью надо спать, а не сидеть в редакторе, сказал он себе, своим красным глазищам в

отражении зеркала в ванной. Но как поспишь, блин, когда Михалыч радостно скинул на него китайские чипы и руководство группой, забыв (или не желая вспоминать) про парочку важных проектов, которыми Игорь уже занимался? А их надо было сдать «еще вчера», и почта пухнет от писем с пометкой «срочно», хоть арки не включай. Понятно, важная строчка в резюме, большое достижение, но…

Вспомнился отпуск, который он не догулял: домик на Селигере, клеклый снег и вода, скопившаяся в следах ботинок, лунка у берега и чай из термоса. Тогда лавруха хорошо клевала, лицо прихватывало морозцем, и над утренним туманом поднималось солнце. И тишина вокруг.

Лампа над зеркалом подчеркнула мешки под глазами, накинула лет десять. Вид цветущий, будто ночью вагон разгружал.

Игорь сунул голову в раковину, под струю воды, чуть не задохнулся от слепящего холода. Фыркнув, он взъерошил полотенцем волосы. Повернул голову так, затем этак, осматривая небритый подбородок. Жужжать бритвой не хотелось, очень манила кровать коконом из одеял. Но электронные часы в ванной напоминали: до выхода двадцать пять минут. Нужно успеть заехать в кофейню, затем посмотреть дом из объявления, через полтора часа Игоря будут ждать. А потом быстрее в офис.

– Игорюша! – из квартирных глубин донесся крик. – Ты здесь?

Игорь растер лицо ладонями, шумно выдохнул, снова глянул на часы. Может, ну его? Забраться в кровать и отрубиться еще на четверть часа, или по-тихому собраться, вроде как уже ушел, пускай сиделка разбирается… И тут же кольнуло: не спит бабка, зовет к себе, и хорошо. Жива еще.

– Иду, – гаркнул он через плечо.

На цыпочках он пробежался до дальней комнаты и заглянул в пахнущий лекарствами сумрак. Бабка сидела сизой тенью на кровати, в гнезде из одеял и пледов, и с хрустом давила таблетки из упаковки. Волосы лезли ей на лицо, спускались на грудь прозрачной паутиной. Шептало радио, в углу тикали дедовы часы.

Игорь хлопнул в ладоши дважды, включив свет и выхватив из тьмы отреставрированный советский шкаф с лакированными дверцами, ламинат под дуб и обои в полоску, похожие на старые обои из восьмидесятых, – Игорь заказывал их за границей, в Москве такими давно не торговали.

Обидно складывалось: когда он только переехал к бабке и она еще соображала, денег не было. Игорю едва исполнилось двенадцать. Жили они на бабкину пенсию, ели яичную лапшу, отваривали куриные ноги: вот тебе и суп, и второе на сковороде. Где Игорь мог, он приколачивал, приклеивал и красил, но всю квартиру не закрасишь. Бабка всё приговаривала: «Вот вырастешь, купишь нам дом. Красивый, с садом, с антоновкой». Она антоновку любила. Потом, в институте, с подработкой стало легче, но не настолько, чтоб устраивать ремонт. А стоило выйти на нормальные деньги, так бабка слегла и уже не видела новых обоев, была не здесь, а в каком-то своем мире из обрывков памяти и грез.

Не спеша она положила в рот таблетки и запила их водой. В образовавшейся тишине было отчетливо слышно, как она их проглотила.

– Ко мне сегодня Катя приходила, – сообщила она. – Сидела у кровати, красивая, как на свадьбе. Уже скоро, сказала. Скоро ко мне пойдешь, оставь Игорюше квартиру, ему понадобится.

Последнее время бабка напоминала о родителях всё чаще, упрямо бубнила о том, что жить ей осталось недолго и она вот-вот освободит жилплощадь. Говорила об этом, словно немного извиняясь за такое вот неудобство, что задержалась. Игоря эти разговоры только выводили из себя. Смерть давно поселилась в их квартире, стучала пальцем по часам. За бабкиными причитаниями Игорь слышал этот звонкий стук ногтя по циферблату: звяк-звяк. Звяк. Каждый раз он грубовато обрывал этот разговор, вот и сейчас сказал:

– Ты скоро в новый дом поедешь, рано помирать-то собралась.

– Да кудыть мне дом целый, Игорюш?

– Жить в нем, антоновку собирать. Ты сахар мерила уже?

Сахар она не мерила, конечно. Покопавшись в небольшом Эвересте на тумбочке – таблетки, капли, ватки, резинки для волос, ручки и очки с мутными от царапин

линзами, всё вперемешку, – Игорь нашел глюкометр и чехол с инсулиновой помпой. Нацепил колпачок глюкометра бабке на тощий палец, а у самого не лезли из головы ее слова про квартиру.

Зачем так говорить? Да хрен бы с ней, с жилплощадью, не сдалась она ему сто лет в обед. Он давно мог уехать в Москву, зарплата позволяла, вот только с кем оставить бабку? Переезжать она отказывалась, отправлять ее принудительно в спецзаведение в Коломне было стыдно. Дома престарелых напоминали Игорю гараж со старыми вещами, которые жалко выкинуть, а дома держать уже нельзя. Ему казалось, что бабку там обязательно поселят в подвал, во тьму и сырость, где будут издеваться и кормить горелой кашей, или вовсе позабудут.

Глюкометр пискнул. Сахар все-таки подскочил, бабка наверняка опять наелась на ночь. Игорь щелкнул дозатором инсулинового шприца, зажал складку на бабкином дряблом животе и быстро кольнул.

От кровати несло мочой. Бросив взгляд на темное пятно на простыне, Игорь напомнил себе заехать за памперсами. Он помог бабке встать, закинул ее хрупкую, похожую на птичью лапу руку на плечо и повел из комнаты. Мог и донести, за последние годы бабка совсем высохла, а тело стало невесомым, как жучиный хитиновый панцирь, но врач велел разрабатывать ноги. Поэтому она стенала и охала, а Игорь терпеливо ждал, пока она сделает неуверенный шаг. И еще один, еще. Уже в ванной он поставил на бортики пластиковое сиденье, усадил бабку на него и помог ей стянуть мокрую рубаху. Бросил взгляд на часы: до выхода было пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Weibo (кит. ??) – китайский сервис микроблогов.

2

Государственный гимн КНР.

3

Youku (кит. ??) – китайский аналог YouTube.

4

Baidu (кит. ??) – лидер среди китайских поисковых систем.

5

C-pop – китайская поп-музыка.

6

Китайские комиксы.

7

Виртуальная клавиатура, проекция клавиш, которую видит пользователь устройства дополненной реальности.

8

У Далан (???) – персонаж классического романа «Речные заводи», очень маленького роста и неприятной наружности. Это имя стало нарицательным для людей, которые низки морально, не могут быть снисходительными и великодушными к другим.

9

Баба, ба (кит. ??) – отец.

10

Сувениры (кит.).

11

1) Обращение к незамужней женщине, 2) проститутка (кит.).

12

Единица измерения объема текста в Китае.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bogdanova_vera/pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить